

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ПЕРЕМЕНЫ В ЕВРОПЕ:
ВОЗМОЖНЫ ЛИ
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ**

МОСКВА 2012

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**ПЕРЕМЕНЫ В ЕВРОПЕ:
ВОЗМОЖНЫ ЛИ
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ**

**Доклады Института Европы
№ 286**

Москва 2012

УДК
ББК

П

Редакционный совет:
Н.П. Шмелёв (председатель),
Ю.А. Борко, Ал.А. Громыко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Под редакцией Ал.А. Громыко, Т.Т. Тимофеева

Рецензенты:
Фёдоров Сергей Матвеевич, к.полит.н.
Яхимович Зинаида Павловна, д.и.н.

Номер государственной регистрации: № 01200905006
«Россия в многообразии мировых цивилизаций»

В подготовке материалов к печати принимала участие
Е.В. Дрожжина

Перемены в Европе: возможны ли альтернативные модели =
Changes in Europe: are alternatives possible / [под ред. Ал.А. Громыко,
Т.Т. Тимофеева] . – М. : Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2012. –
с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe /
Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Россий-
ской акад. наук ; № 286). – Парал. тит. л. англ. –
ISBN .

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN

© ИЕ РАН, подготовка текста, 2012
© Издательство «Русский сувенир», оформление, 2012

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**CHANGES IN EUROPE:
ARE ALTERNATIVES POSSIBLE?**

**Reports of the Institute of Europe
№ 286**

Moscow 2012

Аннотация

В основу данной публикации положены выступления, сделанные на состоявшихся в 2012 г. заседаниях межинститутского Учёного совета по сравнительному изучению европейской и других цивилизаций. Главное внимание уделяется социально-экономическим и политическим переменам в контексте современных европейских и международных дебатов о моделях развития. В центре анализа – воздействие кризисных процессов на ситуацию в странах Европы и острые дискуссии о путях их дальнейшего развития, о возможных альтернативах. Также рассматривается ряд перспективных вопросов политики модернизации с учётом цивилизационной специфики. Авторы проводят сравнения между подходами к решению текущих проблем в государствах разного типа, с различным уровнем развития гражданского общества.

Annotation

This collection of articles and reports are based on the results of the meeting of the inter-Institutional Scholarly Council on Comparative Research of the European and Other Civilizations. Main attention is paid to socio-economic and political changes within the context of current European and international discourse on different models of development. In the centre of the analysis – the impact of the crisis on European countries, their further development and on possible alternatives. Also under consideration is the issue of modernization and its civilizational modalities. The authors analyze approaches to solution of problems in various countries with different state and society organization.

СОДЕРЖАНИЕ

- Н.П. Шмелёв. Вступительное слово
- Ал.А. Громько. Пространства Европы:
фрагменты или части целого?
- Т.Т. Тимофеев. Эволюция реформизма в кризисных
условиях
- А.А. Галкин. Социал-демократия в процессе
переориентации
- В.И. Мироненко. Посткризисные поиски альтернатив
- Ю.И. Рубинский. К дебатам об итогах французских
выборов и о характере кризиса
- В.Б. Белов. О германской модели
- В.Я. Швейцер. О тенденциях в партийно-политическом
пространстве Европы XXI века
- В.В. Попов. Цивилизационные разломы
и их интерпретации
- А.В. Виноградов. Модернизация как
цивилизационный проект
- В.С. Циренщиков. Европейские модели социально-
экономические развитие сегодня и завтра
- А.И. Липкин. О социальной справедливости и
мультикультурализме в отношениях между
цивилизациями
- А.А. Масленников. К вопросу о характере кризиса
и его последствиях
- А.Д. Хайтун. Россия на посткризисном
энергетическом рынке
- Л.С. Окунева. В поисках альтернатив социальной
эволюции
- Д.В. Реут. К анализу основ европейской
альтернативной модели
- Э.С. Шиманская. К вопросу о роли трудящихся,
их организаций в меняющихся условиях
- А.А. Канунников. Пути к устойчивому развитию
и роль гражданского общества
- Заключение

CONTENTS

- N.P. Shmelev. Вступительное слово
- Al.A. Gromyko. Dimensions of Europe:
separate fragments or parts of the single whole
- T.T. Timofeev. Evolution of reformism
in the circumstances of the crisis
- A.A. Galkin. Social Democracy in the process of transformation
- V.I. Mironenko. The quest for post-crisis alternatives
- Yu.I. Rubinskiy. On the results of the French election
and the nature of the crisis
- V.B.Belov. On the German model
- V.Ya. Shveitser. On tendencies in the party-political
space of the XXI century Europe
- V.V. Popov. Civilizational cleavages and their interpretations
- A.V. Vinogradov. Modernization as a civilization project
- V.S. Tsirensnikov. European model of socio-economic
development today and tomorrow
- A.I. Lipkin. On social justice and multiculturalism
in relations between civilizations
- A.A. Maslennikov. On the nature of the crisis
and its consequences
- A.D. Khaitun. Russia in the post-crisis market of energy
- L.S. Okuneva. In the search of alternatives
in the social evolution
- D.V. Reut. On the analysis of the basis for the
European alternative model
- E.S. Shimanskaya. On the role of labour and trade unions
in the changing circumstances
- A.A. Kanunnikov. Routs to sustainable development
and the role of the civil society

.....

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Предложенная для обсуждения тема – «Посткризисные поиски альтернатив» – находится сегодня в центре многочисленных дебатов. Несколько предварительных соображений. Что в данном случае значит альтернативы? Это либо возможные, либо реально надвигающиеся перемены в планетарном масштабе, в масштабе цивилизаций. Думается, что с разразившимся мировым кризисом закончился период недальновидного развития мировой экономики на ультралиберальных, ультрарыночных основах.

С позиций здравого смысла очень трудно себе представить, как это так – 90% финансовых потоков это чистые финансы, «виртуальные деньги», а всё реальное, вся реальная экономика и реальная жизнь – 10%, не больше? Почему так сложилось? Что касается нас, то ещё испокон русский купец работал на марже с прямолинейной продажи, а более эффективная западная экономика базировалась на принципе оборота. А при обороте маржа может быть минимальной, почти незаметной, но за счёт оборота свой эффект, как правило, приносит. Но и здесь может скрываться невероятный вред – оборот деривативов. Маржа мизерна, но набавляется она такое громадное количество раз, что вырастает гора деривативов, иными словами, спекулятивных денег. Не случайно, когда оценивают движение капиталов, то спекулятивный, портфельный краткосрочный капитал достигает 80-90% оборота.

Казалось бы, простой выход – запретить спекулятивный капитал, оставить лишь прямые инвестиции. Но не так всё просто. Для нас, россиян, капитал «перекати поле» также существенен, это ежегодно 40-60 млрд долл., а вот с долгосрочными вложениями в экономику страны дела обстоят пока удручающе. Но и куда приводит заигрывание с «виртуальным капиталом» мы также хорошо знаем. Как же быть? Ведь практически всем ясно, что экономика мыльных пузырей – это тупик. Рано или поздно они неизбежно лопаются. Если не удастся наладить какой-то

* Шмелёв Николай Петрович, академик РАН, директор ИЕ РАН.

контроль и регуляцию движения спекулятивного капитала, дедеривативов, нынешний кризис не последний.

В этой ситуации нельзя уйти от поисков свежих подходов и новых моделей. Латать старые не получится. Чисто кейнсианские рецепты уже не годятся, чисто фридмановские – тоже. Как найти это сочетание управляемости и свободы рыночного движения, какая экономика вырастет на новом соотношении этих принципов?

Одно из проявлений современного кризиса – отрезвление, кризис стал шоком, ударом, но в то же время и стимулом к обновлению. Кризис со всей силой сказался на таком объединении, как Европейский союз. Пока полных гарантий того, что ЕС в своём нынешнем виде выживет, сумев перестроиться, немного. Вся сумма политических, экономических, этнических и всех прочих проблем несколько отрезвила горячие головы в ЕС, делавшие ставку на максимальное расширение организации, на количественные параметры её развития. Союз 27-ми, а с 2013 г. – 28-ми, да ещё с десятком стран, претендующих на вступление, – это непомерный груз, что называется, не по карману. В этой ситуации нашим друзьям, например, на Украине и в ЕС надо хорошенько подумать, стоит ли стремиться и дальше в объятия друг друга. По крайней мере, для ЕС принять в обозримом будущем Украину со всеми новыми вытекающими из этого тяготами для стран-доноров в составе ЕС, это значит играть по сценарию его разрушения. Продолжать набирать в него новых членов, значит прощаться со всей этой великолепной исторической затеей.

Евросоюз слишком быстро устроил себе хорошую жизнь, но для многих то была жизнь в долг, жизнь за счёт будущих поколений, жизнь за счёт мыльных пузырей. Когда это стало очевидно даже слепому, подняли панику, бросились затягивать пояса, да так, что перекрыли кислород для целых национальных экономик. В связи с этим встаёт и такой вопрос: каково же будет соотношение между наднациональными органами и рычагами управления и национальной политикой? Это колоссальный взрывчатый материал, касающийся не только греков, но и всех. Налоговую, бюджетную политику отдать в Брюссель? С этим согласятся не все, в первую очередь англичане. Но надо сказать,

дело идёт к тому, что большинство согласятся. А значит, идёт наращивание процессов наднационального регулирования. И рациональность в этом есть: хотят застраховаться от повторения не просто глупостей, а разрушительной стихии сложившейся экономической системы, должны двигаться именно в этом направлении.

Не менее острый вопрос – о социальной модели Европы. Со времён Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана, возвращения моды на свободный рынок шведы, за ними немцы и французы стали понемногу отходить от социальных начал. Оказалось, что поторопились. Необходима комбинация рынка и социальной солидарности, она просто неизбежна для устойчивого развития. От рыночных критериев в оценке отношений между трудом и рабочей силой отойти нельзя. Но нельзя и выбросить за борт все внеэкономические рычаги управления, которые сдерживали и сохраняли социальный мир на европейском континенте несколько десятилетий.

Крайне беспокойно и вдоль рубежей Европы. Арабское цунами застало всех врасплох. Куда она покатится дальше, куда вынесет, как это скажется на межцивилизационных отношениях? Не думаю, что кто-то знает ответы на эти вопросы. Американский заговор? Несерьёзно. Сугубо мусульманское движение политического ислама? Очевидно, что неполное объяснение. Но пока мы размышляем, вал хаоса катится дальше на Восток, на Сирию, а там и Иран, и Афганистан, и Пакистан, и постсоветские республики. И здесь вопросы цивилизационной совместимости встают во весь рост. В том числе в виде этнических, миграционных проблем в Европе. Думаю, впереди нас ждёт ещё немало потрясений.

Для России проблема миграции населения, культурной, цивилизационной совместимости его различных потоков крайне злободневна. Безумие закрывать глаза на то, что при негативном развитии событий мы реально теряем восток и Сибирь. И это уже происходит. Никакие инициативы насчёт добровольных переселений не помогают. Движение людей идёт не с запада на восток, а в обратную сторону. Найти ли выход без привлечения корейцев, китайцев или кого-то ещё? Здесь ломают много копий, но

очевидно, что без притока новых сил освоить эти районы, сохранить их и удержать будет невозможно. Освоить Сибирь и Дальний Восток с помощью деклараций и полумер не получится

Любой прогноз не всегда вопрос счёта, калькуляции, но ещё во многом вопрос веры. Верю или не верю. Лично я сохраняю веру в то, что усиление восточных акцентов в развитии России – это естественное движение, в этом смысле к понятию «евразийство» можно отнестись с симпатией. Европейцы мы по истории, культуре, образу жизни, это так, но азиатский акцент приходится учитывать всё больше; ещё несколько лет и Дальний Восток будет интегрирован в Азиатско-Тихоокеанский регион больше, чем в европейскую часть России. Верю и в то, что в какой-то мере самодостаточную, самоцельную Россию, пусть и с выраженным азиатским акцентом, нам удастся сохранить.

*Ал.А. Громько**

ПРОСТРАНСТВА ЕВРОПЫ: ФРАГМЕНТЫ ИЛИ ЧАСТИ ЦЕЛОГО?

Тема европейской модели (точнее сказать – моделей развития) крайне объёмная, написаны десятки и сотни книг, тысячи статей по различным её аспектам. Речь идёт о моделях политических, экономических, социальных, культурных, поведенческих, наконец. Европа в принципе может претендовать на наличие европейских вариантов всех из них, на наличие таких моделей, которые в той или иной форме, в тех или иных разновидностях сложились исключительно в её границах. Что способствовало этому? Во-первых, «тирания географии». Мы живём в регионе, который далеко не самый большой в мире, а если брать Европу от Атлантики до Урала, то совсем небольшой по сравнению с большинством других региональных пространств на Земле. Способствует центростремительным процессам и наличие общей истории и общей памяти, то, что ковалось в головах, в генетическом коде европейцев в течение многих веков. Европа

* Громько Алексей Анатольевич, д.полит.н., зам. директора ИЕ РАН.

уже давно в цивилизационных исследованиях, в цивилиографии выделена в отдельную категорию, в цивилизацию европейскую. Имеется множество интерпретаций этого понятия, но мало кто ставит под сомнение, что европейская цивилизация существовала, существует и, очевидно, продолжит жить ещё очень длительное время. Её скорая гибель, закат предвидятся разве что в апокалипсических сценариях, имеющих мало общего с реальностью даже при всех тех трудностях, с которыми Европа сталкивается в последнее время. При всей нашей сосредоточенности на делах Европы не надо забывать, что большинству других регионов планеты предстоит решать ещё более сложные проблемы, чем Старому Свету.

Но нельзя не видеть и опасности, вполне способные превратиться в экзистенциальные. Например, в конструкцию Европы встроены эффект Вавилонской башни. Это многоязычие, фрагментарность пространства, мозаичность европейской ментальности. Есть европейские страны, которые не считают себя европейскими, или, по крайней мере, где значительная часть населения так не считает. Возьмём Великобританию, где, как и в России, говорят, например, «поедем в Европу». Это отражение традиционного островного менталитета, как в первом случае, или взгляда на мир тех, кто освоил огромные пространства, как во втором. В России по опросам общественного мнения более половины населения всегда с сомнением относилась к тезису о том, что наша страна – Европа, а её граждане – европейцы. Помимо этого, есть страны, которые считают себя в целом европейскими, но таковыми в действительности не являются. Например, государства Закавказья или Израиль.

До середины XX в. предпринималось несколько масштабных попыток по объединению Европы. Все они оказывались неудачными. Мы можем вспомнить и Римскую империю, и эпоху Наполеона, и попытки Третьего рейха. Несмотря на явные неудачи этих проектов, Европа существовала несколько веков в качестве и субъекта, и объекта мировой политики. Если взять страны, где многие с сомнением относятся к своей идентичности как европейской, например, Россию или Британию, то какой наилучший критерий выяснить реальное положение дел? Надо

поехать в Китай, Австралию, Японию, Бразилию, в ЮАР и там спросить, какой части света принадлежит Россия? Кто такие россияне? Там вам скажут, что вы европейцы, вы Европа. Мы можем думать о себе всё, что угодно, но большая часть, или подавляющая часть мира видит Европу в тех границах, в которые она и помещена в большинстве цивилизационных исследований.

Несмотря на то что образы Европы сложились в представлениях жителей нашей планеты очень давно, длительное время это были образы, вызывающие мало симпатий. Здесь и колониальное прошлое нашего континента, многочисленные войны, в основном захватнические, которые европейцы вели во всех уголках земного шара. Апогеем такого агрессивно-экспансионистского развития Европы, олицетворением отталкивающей стороны её образа, восприятия, безусловно, стали две мировые войны в первой половине XX в. И если до 1939 г. в международной политике превалировал европоцентризм, то после 1945 г. Европа, по крайней мере, её западная и центральная часть ушла в тень двух сверхдержав – СССР и США.

Европоцентризм в мировых делах и европейская модель как некий образец, на который стали ориентироваться многие народы как в самой Европе, так и за её пределами, стал вновь возрождаться на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого столетия; европоцентризм за последние двадцать лет вновь вошёл в силу и заявил свои права. Эта тенденция развивалась по восходящей, до 2008 г. Но затем Европа в очередной раз столкнулась с серьёзнейшими проблемами.

Если вернуться к опыту двух мировых войн, то именно страх перед закатом Европы привёл после 1945 г. к новой попытке объединения нашего континента на качественно новых началах. С 50-х годов началось конструирование «европейского нарратива», и к 90-м годам этот процесс привёл к формированию категории «европейской мечты», некой системой ценностей эпохи постмодерна. Квинтэссенцией этой системы ценностей стали такие принципы, как «пул суверенитетов», устойчивое развитие, принципы солидарности и «мягкой силы».

Что касается социально-экономических моделей развития, которые возникли в рамках, по крайней мере, западной части

Старого Света, много написано и сказано о таких разновидностях, как Скандинавская, Англосаксонская, Рейно-альпийская, Южноевропейская модели. В целом, за последние 20-30 лет сформировалось то, что мы называем социальной моделью развития Европы, та самая модель, которая оказалась под сильным ударом в последние годы в результате мирового финансового, экономического, а затем и политического кризиса.

Сейчас мало кто помнит, в каких муках, сомнениях и противоречиях, противоборствах выработывалась новая европейская модель. Борьба шла не только вокруг конкретного наполнения таких проектов, как Совет Европы, Европейское объединение угля и стали, Европейское оборонительное сообщество. Были и план Маршалла, и Европейское объединение экономического сотрудничества, и Европейская экономическая комиссия, в целом шла серьёзная борьба, по крайней мере, до 1960-х гг. между сторонниками двух концептуальных подходов к западноевропейской модели интеграции – между федералистами и сторонниками межгосударственных связей.

СССР в тот период превратился в сверхдержаву и, несмотря на то что в стратегическом, геополитическом плане он, безусловно, на тот период выиграл, но одновременно и попал в ловушку собственной новоприобретённой глобальности. Москва делала ставку на межгосударственные организации под флагом ООН и пренебрегала вниманием ко многим формирующимся общеевропейским проектам, которые в 1950-х – 1960-х гг. свелись к сугубо западноевропейским. Но при этом надо помнить о том, что кроме процессов, приведших, в конце концов, к появлению современного Европейского союза, существовала и другая, восточная модель интеграции, восточная альтернатива в виде того, что сейчас называют постсоветским пространством. Между прочим, вплоть до конца 1940-х гг. было немало окон возможностей по созданию панъевропейских интеграционных проектов. Как и в отношении идеалистической европейской мечты, можно с полным правом говорить о том, что существовала и идеалистическая советская мечта, некая система ценностей в русле европейской просвещенческой парадигмы.

Для обоих мегапроектов во второй половине XX в. на Запа-

де и на Востоке Европы исключительное значение имело понятие миссия. Оба проекта были, конечно, в первую очередь не экономическими, а политическими и идеологическими, и миссионерская их направленность была ярко выраженной; в значительной степени она сохраняется таковой в видоизменённых формах до сих пор.

Что двигало западноевропейским интеграционным проектом, созданием, современным языком, западноевропейской модели развития? Если брать 1950-е гг., то миссия состояла в том, чтобы примирить закоренелых врагов – Францию и Германию, а затем вокруг них объединить другие крупные государства Западной Европы. Эта задача в принципе была решена благодаря волнам расширения в 1973 г. и 1995 г. В 1980-е гг. возникла миссия по вовлечению в интеграционные процессы тех стран, которые до недавнего времени были тоталитарными или авторитарными, что и произошло благодаря расширению в 1981 г., с присоединением к ЕС Греции, и в 1986 г. с подключением Испании и Португалии. Наконец, в 1990-е гг. появилась новая стратегическая цель по вовлечению в западноевропейскую модель развития стран Восточной Европы, что и осуществилось благодаря волнам расширения в 2004 г. и 2007 г. Наконец, имеется и текущая миссия, находящаяся в стадии реализации, даже в условиях, когда, казалось бы, западноевропейский проект практически достиг границ своего внешнего расширения. Это, конечно же, вовлечение Балканских государств, начавшееся с присоединения Румынии и Болгарии в 2007 г., которое продолжится в 2013 г. после вступления в ЕС Хорватии. В обозримом будущем за ней последует и ряд других стран Западных Балкан.

Надо сказать, что и на Востоке Европы, уже после крушения Советского Союза, интеграционные процессы на новой базе развивались не менее динамично. Можно перечислять многие структуры, созданные на развалинах СЭВ и ВДВ: это и СНГ, и Союзное государство России и Белоруссии, и ЕврАзЕС, и ОДКБ, и ШОС, и Таможенный союз, развивающийся в сторону Единого экономического пространства, а затем и Евразийского союза.

Вопрос в том, удастся ли в XXI в. то, что не смогли сделать европейские страны после окончания Второй мировой войны.

А именно – не разойтись по разным интеграционным квартирам, а создать Европу без разделительных линий, общее пространство от Лиссабона до Владивостока, одним словом, выйти на панъевропейскую интеграционную модель. При этом надо сказать, что в последние годы привлекательность проекта Евросоюза во многом поблекла в результате тех проблем, с которыми эта часть европейского пространства сталкивается. Но и Россия как ядро постсоветского пространства также пока не стала, не превратилась в сильный магнит по привлечению «мозгов», денег, высококвалифицированных мигрантов из других частей Европы и мира в целом.

Действительно серьёзный вопрос – о Европе как о затухающем центре силы в мире XXI в. Это для нас ключевая проблема. Речь идёт не о гипотетическом снижении влияния Евросоюза и России, как и всех других европейских стран в целом. По многим показателям и данным статистики Европа зримо теряет свои позиции по сравнению с другими мировыми центрами силы, на фоне возникновения и взлёта новых «рынков роста», формирования не только новых национальных держав, но и межнациональных конгломератов. Решение этой проблемы пока просматривается плохо.

Хорошо известно, насколько сложные отношения существуют в настоящее время между Россией и Евросоюзом, насколько до сих пор в нашем сознании, и на Западе, и на Востоке Европы главенствует принцип мышления «мы и они», насколько до сих пор мало впечатляющих практических, реальных наработок в создании истинных интеграционных проектов, охватывающих Запад и Восток Старого Света. И всё же верится в то, что таковые в недалёком будущем появятся. Как говорится, императивы времени подталкивают к этому с неумолимой логикой.

*Т.Т. Тимофеев**

ЭВОЛЮЦИЯ РЕФОРМИЗМА В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ

* Тимофеев Тимур Тимофеевич, чл.-корр. РАН, рук. Центра цивилизационных исследований ИЕ РАН.

В ряде европейских и других стран ныне наблюдаются крупные изменения в политической, социально-экономической, экологической, иных сферах. Они происходят в условиях заметной поляризации сил. В том числе – активизации левоцентристских, левых и союзных с ними организаций. Одновременно усиливается деятельность правонационалистических, экстремистских групп и движений. Прошедшие в 2012 г. избирательные кампании во Франции, Греции, Сербии, местные и региональные выборы в Германии, Италии имеют, на наш взгляд, по своим последствиям не только локальное и национальное, но в немалой степени и общеевропейское, международное значение¹. Это позволяет несколько иначе взглянуть на разные сценарии (вариации) создания возможных союзов, коалиций – нынешних и будущих.

Главная причина наметившихся сдвигов связана, прежде всего, с последствиями системного кризиса. Особенно выросло недовольство населения курсом правящих кругов, направленное на сокращение социальных расходов, неэффективностью их мер по борьбе с возросшей безработицей и другими проблемами. Трудно отрицать, что Европа и мир столкнулись в последние годы не только с циклическими финансово-экономическими потрясениями, но с чем-то более широким и глубоким, а именно – с системным кризисом. Последний колеблет устои неolibеральных концепций, для которых характерны абсолютизация ничем не ограниченных рыночных отношений и явная недооценка роли госрегулирования в социально-экономической сфере. Этот феномен, как и в целом новейшие сдвиги в общественном сознании, констатируют ныне многие трезво мыслящие западные учёные. «Весьма распространённым, – признают, например, известные политологи Д. Хелд и К. Юнг, – сейчас стало мнение о том, что финансовый кризис показывает несостоятельность неolibеральной идеологии, с её верой во всемогущество рынков и политики дерегулирования. К сожалению, мало внимания уде-

¹ Отметим, что признаки полевения масс, и в целом – обострения политической борьбы, из-за усиления разногласий, особенно по социально-экономическим, иным вопросам, обозначились в условиях кризиса также в ряде азиатских и африканских стран, государствах Западного полушария.

лялось до сих пор вопросу о том, как нынешний кризис может отразиться на общих проблемах управляемости в глобальных масштабах». Нельзя не учитывать, как считает ряд американских макро-социологов, что такой «кризис – это и часть более широкого исторического процесса, ведущего к реструктуризации отношений между странами, регионами и цивилизациями»².

Резко усилились разногласия и споры – в условиях дискредитации прежнего неолиберального курса – вокруг оценки социально-экономической роли государства. Произошла определённая смена вех. Об этом пишет, в частности, лорд Скидельски в своей книге «Кейнс: возвращение мастера». О том же – серия статей на тему «Рост госкапитализма» (в начале 2012 г. в журнале «Экономист» и в ряде других известных западных изданий). Заметно растёт популярность левоцентристских концепций. Не оправдались ещё недавно широко распространявшиеся мифы о «крахе» социал-демократии, о тупиках реформизма и т.д.

Налицо заметное повышение внимания к социальным вопросам и социально-трудовым отношениям, особенно – к проблемам занятости и безработицы, к последствиям изменений на рынках труда. Неслучайно эти вопросы всё острее сказываются на перипетиях политической борьбы; что проявилось, в частности, во время недавних избирательных кампаний в ряде европейских стран. Так, в апреле-мае 2012 г. именно эти вопросы оказались в фокусе острых дебатов между Ф. Олландом и Н. Саркози накануне президентских выборов во Франции. Если кандидат социалистов указывал на невыполнение его оппонентом обещаний принять меры для сокращения масштабов безработицы (а на деле её реальный уровень в стране за последние годы вырос с 3 до 4 млн чел.), то его оппонент пытался оправдаться тем, что в других государствах положение с этим ещё хуже, ссылаясь на следующие данные: за период с 2007 по 2011 гг. безработица в среднем по Европе увеличилась на 35%, в Ита-

² The Deepening Crisis: Governance Challenges After Neoliberalism. Edited by Graid Calhoun and G. Derlugian. A joint publication of the Social Science Research Council and New York University Press. New York and London, 2011. P. 7-8, 19-42.

лии – на 37%, в Англии – на 60%, в Испании – на 191% и т.д.³ В противовес асоциальному правоцентристскому курсу, Олланд выдвинул амбициозную программу левых сил по приоритетной поддержке молодёжи, выступив за создание во Франции в ближайшие годы 150 тыс. новых рабочих мест, в первую очередь – для молодых специалистов, вступающих в жизнь; а также – за выделение 60 тыс. дополнительных вакансий для улучшения ситуации в сфере образования⁴.

Не менее важными являются проблемы, порождённые растущей «экологизацией» общественной жизни. Неудивительно, что в таких условиях участились контакты и совместные выступления по ряду актуальных вопросов между представителями движений «зелёных» и разными организациями левых, в том числе социалистической направленности.

Сближение их позиций проявляется и в научно-теоретической сфере, например, в эволюции взглядов тех и других на важнейшие цивилизационные вызовы XXI в. Симптоматично, как нам кажется, появление недавно во Франции объёмного коллективного труда под названием «Изменить цивилизацию» (с участием нескольких десятков известных учёных и видных общественно-политических фигур европейских стран), который был инициирован руководством французской Социалистической партии. Авторы книги заявляют, что среди основных ответов на новые глобальные вызовы нынешнего столетия должно быть нарастание «экологической конверсии». В своём предисловии к книге Мартина Обри, первый секретарь Соцпартии Франции, пишет: «Мы меняем цивилизацию... Экологические потрясения требуют существенного пересмотра взглядов в деле защиты нашей планеты. И пора покончить с накопившимися в мире злоупотреблениями, с наглостью заевшихся элит, а также с тупиком международного экологического регулирования»⁵.

Схожие позиции занимают и авторы, выражающие совре-

³ Это – данные Международной Организации Труда (МОТ). См.: «Ведомости», 04.05.2012. С. 2.

⁴ François Hollande. *Changer de destin*. Ed. Robert Laffont. Paris, 2012. P. 35-36.

⁵ Martine Aubry, avec 50 chercheurs et citoyens. «Pour changer de civilization». Ed. Odile Jacob. P., 2011. P. 7, 31-32.

менные воззрения представителей других левых движений и левоцентристских течений. Для многих из них характерна и приверженность неоиндустриальной парадигме общественного развития в настоящем и будущем⁶. Изменения в обществе и в мировой политике, расширение в данной связи сотрудничества разных общественных сил отражаются в ряде важных событий международной жизни (вроде организованного летом 2012 г. в Бразилии «Всемирного саммита РИО – 20»).

Это в какой-то мере сказывается на трактовке ключевых проблем новой глобальной «третьей индустриальной революции». В основе её последствий лежит также провозглашаемый широчайший переход к возобновляемым видам энергии и связанные с этим феномены⁷. Ещё одним стимулом для активизации унитарных действий стали вызовы, порождаемые изменениями климата на планете⁸.

Требуют, разумеется, дальнейшего анализа и уточнения такие вопросы, как глубинные предпосылки и более долговременные перспективы расширения влияния левых и левоцентристских сил, возможные формы развития левоцентризма. Реализуемы ли они в виде движений, идей или течений внутри правящих ныне партий или необходимо создание новых организаций? Можно ли ожидать возникновения новых конфигураций, объединений?

Надо учитывать многообразные аспекты формирования широких союзов и коалиций в современную эпоху; различные интерпретации их роли на международном и национальном, локальном уровне. Определённый прогресс в разработке данной проблематики, мы найдём, в частности, в трудах проф. Ш. Эй-

⁶ См., например: C. Autain. *Le retour du peuple*. Ed. Stock, 2012. Idem. *Transformer à gauche*. Ed. Seil, 2009. Об этом см. также: В. Логачев, Д. Кочергин. Неоиндустриальная парадигма на фоне «постиндустриальной» тематики. «Экономист», М., 2011, № 7. С. 37-44.

⁷ См. об этом, например, в книге: Jeremy Rifkin. *The Third Industrial Revolution: How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World*. Palgrave Macmillan, 2011. P. 36-38. См. также: A third industrial revolution. *The Economist*, April 21, 2012. Special Report. P. 3-12.

⁸ Подробнее см.: W. Barnes and N. Gilman. *Green Social Democracy or Barbarism*. In: *The Deepening Crisis. Governance Challenges After Neoliberalism*. N.-Y., L., 2011. P. 43-65.

зенштадта, Чжен Шао-хуа (КНР, президент О.П.Г.Ц. – «Общества по поддержке глобальной цивилизации»), проф. А. Коротаяева, Ю. Яковца и др.

Трудно переоценить значение этих проблем для углубления диалога и партнёрства цивилизаций. Нельзя не видеть также определённые внутренние последствия сдвигов к новой международной коалиционности (как и выводов из соответствующих прогнозных сценариев). Об этом говорит и новый опыт в Европе, в КНР и ЮВА, в Латинской Америке.

Необходимо всесторонне изучать пути взаимодействий, взаимных влияний разных течений и форм реформизма (международных и национальных), учитывая при этом особенности наступающей фазы цивилизации.

* * *

Специального рассмотрения заслуживает данная проблематика применительно к условиям России, с учётом своеобразия как кризисных феноменов, так и основных фаз развития социал-демократических и вообще левых движений, организаций, левоцентристских партий в нашей стране⁹. Здесь же мы ограничимся лишь двумя краткими замечаниями.

Первое. В последнее время призывы к более чёткой идейно-политической идентификации всё чаще раздаются как вне, так и внутри влиятельных, в том числе ныне правящих в РФ, организаций и объединений. «У нас в “Единой России”, – заявил недавно Д. Медведев, выступая на встрече с активом партии, – есть представители как условно либерального направления, так и условно социал-демократического направления». Экс-прези-

⁹ Этой теме посвящён ряд публикаций. См., например, П. Кудюкин. Типы социал-реформистских организаций на территории бывшего СССР. Альманах «Форум»: Политическая культура и общественные сдвиги. Отв. ред. Т. Тимофеев. М., 1996; Его же. Партии социал-демократической и социалистической ориентации в современной России, сб. «Актуальные проблемы Европы», № 1. М., ИНИОН РАН, 1998; В. Межуев. Социал-демократизм. В кн.: «Либерализм, социал-демократизм, коммунизм. Академическая дискуссия». М., 2005; С. Миронов. Социалистическая идеология в современном мире: Социализм и Россия. В кн. «За нами Россия». М., 2010; Типологизация левых сил в России. См.: Л. Бузгалин. Ренессанс социализма. М., 2002. С. 501-508; Актуальная социал-демократия в XXI веке и Россия. М., б-ка Института «Справедливый мир», 2009, 2010; Б. Гуселетов, Н. Великая. Социал-демократические и социалистические партии в странах СНГ. М., 2011.

дент утверждает, что он «никогда не был либералом». Часть деятелей этой партии ныне выступает за то, чтобы единороссы сдвинулись влево, перешли на левоцентристские позиции и более активно поддерживали людей, нуждающихся в защите государства¹⁰.

Идеи левоцентризма и нового реформизма активно пропагандируют представители разных социал-демократических групп, образований, объединений, считающие, что пришло время «левого поворота»¹¹. Неизбежность такого развития событий предсказывает ряд политиков и политологов. Россия – страна скорее социал-демократических, нежели праволиберальных ценностей, считают они. Сложившаяся партийная структура, констатировал, например, А. Ильницкий в начале 2012 г., «обслуживает политический центр и то, что левее его...»¹². Со своей стороны один из руководящих деятелей «Единой России» О. Морозов подчёркивает: «Мне вспоминаются слова Владимира Путина, что Россия по своей природе – страна социал-демократическая. У нас очень многие люди, в том числе средний класс, к которому я отношу учителей, врачей, военных и служащих, надеются на государство»¹³.

И второе замечание. Оно касается дебатлируемого ныне в определённых кругах достаточно острого вопроса: о соотношении национализма и демократии. Насколько они совместимы? Здесь высказываются, как мы знаем, разные (порою спорные) точки зрения. Одна из них состоит, по сути, в том, что в России любые крупные протесты, в том числе и социальные, непременно выступают и будут выступать в националистических формах.

Гораздо ближе нам иная, более взвешенная точка зрения. Её в какой-то мере отразил известный историк и социолог доктор исторических наук В. Соловей. Он справедливо пишет: «Националисты притязают выступать от имени русского народа. Одна-

¹⁰ Известия, 03.04.2012; Коммерсантъ, 28.04.2012.

¹¹ О. Румянцев. На небосклоне замаячил «Левый альянс». Интервью после учредительной конференции Российского социал-демократического движения «Левый альянс». Аргументы недели, 26.04.2012. С. 32.

¹² А. Ильницкий. Политический ребрендинг и «левый перекося». Известия, 14.02.2012.

¹³ Известия, 03.04.2012.

ко главное содержание русского вопроса вовсе не этническое, как они полагают, а демократическое и социальное. Русские люди требуют в первую очередь свободы и справедливости. Этническая проблематика второстепенна по отношению к этим магистральным требованиям...»¹⁴. Напомним, что мы уже имели возможность выразить своё мнение по этой и смежной тематике (в том числе по вопросу соотношения социального и национального в России и в меняющемся мире; а также – в связи с обострением проблем иммиграции и появлением нового национального вопроса в Европе)¹⁵.

Российские приверженцы социал-демократических идей призывают теснее увязывать перспективы реализации гуманистических социалистических концепций с анализом магистральных путей прогресса современной цивилизации. Сторонники «нового социализма» подчёркивают: «Какой же должна быть российская социалистическая идея в XXI веке, чтобы соответствовать стоящим перед страной задачам? Очевидно, она должна продвигаться дальше и государственного социализма советского образца, и европейской социал-демократии», – отмечает С. Миронов. Он считает, что широкое движение социальной справедливости должно объединить самые различные направления: от сторонников Социалистического Интернационала и левых правительств у власти до Всемирного социального форума, христианских и экологических социалистов»¹⁶. Реальность такой перспективы возрастает в связи с прогнозами о вероятности новой рецессии экономики¹⁷.

Судя по всему, в предстоящий период будут нарастать факторы консолидации. На смену разобщённости левоцентристских и левых организаций может придти более продуктивное сотрудничество разных сил гражданского общества, повышать-

¹⁴ См.: Вопросы национализма. 2012, № 9. Тема номера: «Гражданское и этническое». С. 5.

¹⁵ Т. Тимофеев. На переломе. В сб. «От рисков нестабильности к устойчивому развитию». Ч. I. М., ИЕ РАН, 2011. См. также журнал «Партнёрство цивилизаций», 2012, № 1, 3.

¹⁶ См.: С. Миронов. Линия горизонта. М., 2011. С. 133-139.

¹⁷ В частности, см.: С. Губанов. Вероятна ли мировая рецессия – 2012? «Экономист». М., 2012, № 1. С. 3-10.

ся роль их взаимодействий и партнёрства.

Хотелось бы подчеркнуть, что важным направлением успешного развития общественной мысли является комплексное изучение и общих, и особых черт в развитии таких цивилизационных процессов. Ныне всё меньше остаётся непримиримых противников цивилизационного подхода к анализу общественно-исторических проблем (вроде скептически-иронической публикации на эту тему д.и.н. Шнирельмана в изданной несколько лет назад антропологами книге о роли национализма в мировой истории). Подобные взгляды вновь подверглись, как известно, справедливой критике со стороны ряда участников недавних международных форумов (проходивших, в частности, в Париже и Рио-де-Жанейро в 2012 г.), которые были посвящены проблемам глобального устойчивого развития и важности повышения для этого вклада науки, образования, культуры.

Таким образом, вопреки сомнительному тезису насчёт доминирующей-де тенденции к «обособлению цивилизаций», большинство представителей прогрессивной цивилиографии исходят отнюдь не из перспектив их разобщения, а, напротив, из расширяющихся возможностей их взаимодействий и всё более эффективного партнёрства. Это как раз укрепляет базу для сближения позиций и совместных действий по актуальнейшим проблемам современности представителей разных – и, прежде всего, реформаторских и реформистских – политических сил.

*А.А. Галкин**

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ

Стратегия и тактика любой политической партии не могут оставаться неизменными при качественном изменении окружающей действительности. Если она игнорирует это непреложное обстоятельство, её ожидают серьёзные неудачи, поражения и, в конечном итоге, бесславный конец.

* Галкин Александр Абрамович, д.и.н., Институт социологии РАН.

Европейская социал-демократия на протяжении многих десятилетий существования более-менее устойчиво придерживалась этого правила, что гарантировало ей сохранение и наращивание общественных и политических позиций.

На протяжении предыдущего, сравнительно длительного этапа мирового развития, продолжавшегося свыше трёх десятилетий (последняя треть XX – начало XXI вв.) и выглядевшего сравнительно благополучным и устойчивым, наиболее благоприятной для неё была ориентация на роль «добросовестного управляющего делами существующего общественного строя» (известное выражение Леона Блюма) с подчёркнуто повышенным вниманием к социальной сфере. Подобную ориентацию она реализовала на практике.

Непосредственным результатом такого курса было заметное улучшение социальных условий существования значительной части трудящегося населения и обусловленное этим заметное ослабление социально-политической напряжённости, прежде всего там, где социал-демократия находилась (или, по меньшей мере, была причастна) к власти. Соответственно, она стала рассматриваться (а также сама рассматривала себя) не как левая, а как левоцентристская политическая сила.

В ряде европейских стран (особенно там, где социал-демократия долго находилась у власти) она начала восприниматься как системная политическая сила, принципиально не отличающаяся (или отличающейся в деталях) от расположенного правее центра буржуазных партий. В качестве реакции на это в некоторых политологических кругах сложилось представление, будто понятия «левые» и «правые» вообще отошли в прошлое, в результате чего для политической арены современного демократического (европейского) государства уже характерно (или будет характерным), если не считать маргиналов, доминирование двух не очень отличающихся массовых народных партий, время от времени сменяющих друг друга. В основе этой концепции лежало модное для того времени представление, будто «тучные годы» конца XX – начала XXI вв. есть нечто постоянное и неизменное.

Экономический кризис 2008–2009 гг. и последовавший за

ним долговой кризис, с особой силой разразившийся в начале второго десятилетия нового века, убедительно продемонстрировали несостоятельность этого подхода. Стало очевидным, что время «тучных коров» завершилось. Наступил новый этап, принесший с собой множество неизведанных ранее вызовов и проблем, требующих нетрадиционных решений.

Одной из них стало обострение социальных противоречий, незамедлительно сказавшееся на расстановке политических сил. Дополнительную энергию этому процессу придала, мягко говоря, неразумная политика властных структур, попытавшихся решить вырисовывавшиеся проблемы путём жёсткой экономии за счёт урезания социальных расходов.

Происходящее поставило социал-демократию (прежде всего находящуюся у власти, но не только) перед серьёзнейшей дилеммой. Её стратегия и тактика, оправдывавшие себя в прошлом, перестали соответствовать новой обстановке. Они не отвечали более интересам и настроениям основной массы социал-демократического электората. Продолжение прежнего курса грозило полной потерей общественных и политических позиций. Соответственно, возникла необходимость переосмысления ставших привычными теоретических и практических установок.

Иными словами, сложилась потребность перемещения социал-демократии с левоцентристских на иные, пусть умеренные, но левые позиции. В экономической области это предполагало, как минимум, ориентацию на ограничение полной бесконтрольности современного финансового капитала, отказ от поддержки неоконсервативной политики крайнего монетаризма, концентрацию усилий, направленных на развёртывание инновационного промышленного производства, отказ от дальнейшего проведения политики экономии на социальных расходах, резко ухудшающей условия существования основной массы населения.

Судя по всему, происходит это не просто. Понимание сущности новой ситуации приходит не сразу. Сказывается инерция, свойственная любому, в том числе политическому мышлению. Тормозящую роль оказывает неоднородность самой социальной базы, на которую привыкли опираться и черпать резерв активистов социал-демократы. Да и само переосмысление основ

стратегии и тактики тоже требует времени.

Отсюда опоздание, от которого уже пострадала социал-демократия ряда стран, прежде всего тех, в которых она находилась у власти (Испания, Португалия, Греция). Там, где она являлась оппозицией, понесённый ею ущерб не так заметен. В отдельных случаях, там, где к этому времени у власти пребывали правоцентристы и правые, их дискредитация как приверженцев несостоятельной экономической политики и виновников безжалостной экономии, даже пошла на пользу социал-демократам (Франция).

Тем не менее, и в одних, и в других случаях наметившаяся тенденция к переосмыслению прежних ориентаций налицо. Более того, уже предпринимаются попытки реализовать новые идеи на практике. От того, насколько адекватными новой ситуации они будут, во многом зависит и ближайшее будущее социал-демократических партий.

*В.И. Мироненко**

ПОСТКРИЗИСНЫЕ ПОИСКИ АЛЬТЕРНАТИВ

Для меня, как украиниста, в контексте идущей дискуссии и проблематики Центра украинских исследований наибольший интерес представляют две проблемы.

Первая. Будет ли Европа (в самом широком географическом и культурном смысле) решать свои актуальные и грядущие проблемы вместе или отдельно? Иначе говоря, движется ли Европа к согласованным политическим действиям, или воспроизводится в иных условиях и на других принципах старое, как она сама, киплинговское «Восток есть Восток, а Запад есть Запад»?

Вторая. Какой в этом может быть роль России и Украины? Или, говоря иначе, если Европе суждено быть разделённой, каковы шансы России удержать Украину в своей части и быть вместе с ней и Беларусью тем, чем она довольно долго была – собственно Восточной Европой, или, если угодно, продолжени-

* Мироненко Виктор Иванович, к.и.н., рук. Центра украинских исследований ИЕ РАН, гл. ред. журнала «Современная Европа».

ем-отрицанием Европы Западной в Северной Евразии?

Обе проблемы имеют прямое отношение и к вопросу о европейской модели социально-экономического развития. Поэтому к двум названным проблемам, по-видимому, следует добавить и ещё одну. Существует ли европейская модель социально-экономического развития? И, если да, то каковы её перспективы в свете происходящего?

Наконец, вытекающие из всего этого два практических вопроса: следует ли России в процессе модернизации ориентироваться на эту европейскую модель или искать некую другую? И если всё-таки ориентироваться на европейскую модель, какой в таком случае будет роль Украины?

Собственно, эти вопросы составляют в основном внешнюю, выходящую за рамки объекта исследований нашего центра – Украины, проблематику. Раскрыть и осветить её в кратком материале вряд ли удастся, поэтому позволю себе предложить несколько рабочих гипотез, которые, одновременно являются промежуточными выводами наших украинских исследований.

Первое. Европейская социально-экономическая модель, на наш взгляд, существует. По-видимому, речь следует вести об одной модели. Хотя и множественное число приемлемо. Дело в том, что она, как любая теоретическая модель, существует в целом ряде конкретных воплощений. На сегодня главные из них, на наш взгляд, таковы.

Социальная, или собственно европейская. На наш взгляд, по совокупности признаков, при всех индивидуальных отличиях, это есть реализованная при сильном восточно-европейском влиянии в XX в. романо-германская социал-демократическая модель, автохтонная континентальной Европе. То, что это так, подтвердили последние президентские выборы во Франции. Я полагаю, что скоро мы получим подтверждение этому и в другой ключевой при рассмотрении этой модели стране – Германии.

Либеральная англосаксонская, или северо-американская. Она, как нам кажется, уже прошла пик своего развития во времена неоконсерваторов Р. Рейгана и М. Тэтчер и находится, судя по всему, в первой стадии системного кризиса.

Наконец, восточно-европейская – патерналистская, консер-

вативно-этатистская с разной степенью воплощения этого определения, представленная в порядке убывания Беларусью, Россией и Украиной.

Совершенно честной, что не часто с ней бывает, является самоидентификация «Единой России» как социально-консервативной партии. Хотя это весьма своеобразный консерватизм, который трудно описать теоретически в силу его эклектической конъюнктурной политической природы. Я бы выразил его сущность формулами: «не нужно ничего менять, уже пробовали», «нам и так хорошо и на наш век хватит» и «на месте шагом марш»!

Второе. Очевидно, что сегодня в Большой Европе одновременно идут два процесса: интеграция, хотя и с большими проблемами, в Западной и Центральной Европе, и дезинтеграция, несмотря на постоянные призывы к обратному, в Восточной. Если этот процесс будет продолжать развиваться, на каком-то этапе, который трудно предсказать, он закончится конфликтом и разрывом цивилизационной сущности.

Третье. Идея параллельной, одновременной интеграции на Востоке и шире в Северной Евразии формально верна, но практически при нынешних условиях трудно осуществима. Хотя бы потому, что это – совершенно другая модель интеграции, чем реализуемая в ЕС. По большому счёту, в геополитических расчётах это ничего по сути не меняет. Вот только один свежий пример. Последнее заявление «Единой России» о том, что она намерена доминировать в т.н. Евразийском парламенте, который ещё даже не создаётся.

Несколько слов о ситуации, сложившейся в треугольнике ЕС – Россия – Украина. Начали сбываться худшие предположения. Не знаю, как Украине, а Виктору Януковичу с Россией или, точнее, с её нынешними лидерами и чиновниками психологически комфортнее, чем с европейскими политиками. Однако из-за ситуации в стране (общественные настроения склоняются в пользу ЕС) это намерение нельзя осуществить прямо. Лучше, если это будет выглядеть как вынужденная для Партии регионов и президента Украины мера. Вызвать со стороны Запада реакцию, подобную той, которую мы сегодня наблюдаем в отношении

Ю. Тимошенко, Ю. Луценко и др., отложить на неопределённый срок «евроинтеграцию» и поторговаться с Россией об условиях возвращения в лоно оно.

Если это действительно так, то авторы и исполнители этого проекта изрядно преуспели, но немного опоздали, упустили время. Предполагалось заставить Россию заплатить за «возвращение Украины» как можно больше. «Победа» над «мятежной» Украиной была бы неплохим подспорьем В. Путину на выборах. Но, как уже отмечалось, они опоздали. В. Путин избран президентом России и на сегодня не видно причин, по которым он стал бы платить много за такое «возвращение», да и вообще стал бы за это платить. Кремль сегодня, скорее всего, считает, что платить должна Украина – и политически (возвращение в фарватер российской политики), и экономически (пустить российские капиталы на площадку кормлений своей элиты). Недавнее интервью Леонида Слуцкого – председателя Комитета ГД по делам СНГ, по моему, это подтверждает и иллюстрирует.

На мой взгляд, ситуация, в которой находятся сегодня ЕС, Россия и Украина, в шахматах называется «пат». Все будто бы достигли своих политических целей, но совокупный результат оказался весьма неожиданным. Все проиграли. Запад теряет влияние и, соответственно, возможности для смягчения кризиса, которых очень много на требующем модернизации и развития Востоке Европы. Россия оказалась в недружественном (Прибалтика, Кавказ) или нестабильном (Беларусь, Украина, Центральная Азия) окружении. Украина встала, как заявил 11 мая с.г. её президент, «на паузу». Это, возможно, было бы не так уж и плохо, если бы у Украины было время и природные ресурсы, чтобы постоять «на паузе», как, например, у России.

Вывод, увы, банален. Европейцам, в широком смысле этого понятия – гражданам стран ЕС, американцам, русским, украинцам, белорусам – пора заняться собственными делами как общими. То есть, понять, признать свою принадлежность к одной цивилизации и озаботиться её будущим. Или окончательно отказаться от неё и рассчитывать в нарастающей конкуренции с другими только на свои собственные силы.

Если же они решат всё-таки держаться вместе, им нужно ог-

лнаться на своё недавнее прошлое. Первый шаг в этом направлении в новейшее время был сделан в 1975 г. в совершенно иных условиях в Хельсинки. Второй шаг в Париже в 1991 г. сделан не был то ли из недоверия, то ли из жадности, и сегодня мы пожинаем плоды того или другого. ОБСЕ за прошедшее с той поры время до этого уровня, к сожалению, не поднялся.

Поэтому, как бы сложно это не было (не сложнее, наверное, чем в середине 1970-х гг.), **нужно созывать новое совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе** примерно с тем же составом участников, сообща составлять картину вызовов и угроз «европейской социальной модели», принципы и пути её адаптации к современным условиям.

На этих путях могут быть найдены и новые алгоритмы российско-украинских отношений. Полагаю, что при добросовестном отношении к этому поиску, при отказе от попыток перехитрить друг друга решения в рамках этого контекста есть.

*Ю.И. Рубинский**

К ДЕБАТАМ ОБ ИТОГАХ ФРАНЦУЗСКИХ ВЫБОРОВ И О ХАРАКТЕРЕ КРИЗИСА

Ход президентской избирательной кампании во Франции весной 2012 г. и её результаты вызвали значительный интерес и всевозможные толкования их результатов. У многих складывается впечатление, что появились признаки определённого полевения Европы, смещения центра тяжести от правоконсервативных, правоцентристских партий к более левым, социал-реформистским.

Здесь необходимо сказать, что исход выборов во Франции предвиделся ещё год назад. Все опросы предсказывали Н. Саркози поражение, во всяком случае, во втором туре выборов. Ф. Олланд победил бесспорно, победил 3-мя процентными пунктами. Это в общем для Франции нормально. Учитель Олланда Миттеран, для которого последний – образец, в 1981 г. набрал 51% го-

* Рубинский Юрий Ильич, д.и.н., рук. Центра французских исследований ИЕ РАН.

лосов, что меньше, чем у Олланда сегодня. В 1988 г. Миттеран получил 54%, де Голль в 1965 г. – 55%, все во втором туре.

С 2008 г., то есть с начала нынешнего глобального финансово-экономического кризиса, власть сменилась в восьми странах Евросоюза. Франция была восьмой. И из них в шести у власти правоцентристы, а не социал-демократы. В пользу последних ситуация сложилась только в Дании и Франции. Правые или технократы пришли к власти также в Великобритании, Испании, Португалии, Италии.

Ход последней президентской кампании во Франции показал в концентрированном виде те тенденции, которые во всех остальных странах объективно присутствуют. Что имеется в виду?

Во-первых, налицо поляризация сил: на крайних флангах появились антисистемные образования, например, во Франции – Левый фронт и Национальный фронт. Левый фронт и их кандидат Меланшон получил 11%, а Марин Ле Пен, лидер Национального фронта, получила почти 18%. Вместе это почти треть электората, настроенного жёстко протестно. Важно то, что значительная его часть пошла вправо, а не влево. И такая поляризация сил прослеживается везде.

Второй момент очень важный – вопрос о дискредитации элит. Элит экономических, то есть верхушки истеблишмента и государственных элит. Ясно, что происходит отторжение элит.

Можно сказать, что выборы во Франции не столько выиграл Олланд, сколько их проиграл Саркози. Это не одно и то же. И это отторжение элит, конечно, объясняется общей для всех стран тенденцией – разрывом доходов, нарастающим в условиях кризиса, усилением чувства социальной несправедливости.

С одной стороны, растёт социал-популизм, когда требуют увеличить, например, минимальную зарплату чуть ли не на треть. А с другой – национал-популизм. Так, Марин Ле Пен требует выйти из еврозоны, установить таможенный контроль на французских границах, ввести национальные преференции для французских товаров и для рабочей силы. Эти популистские лозунги в ходе выборов дают на системные партии. Тому же Олланду пришлось в чём-то конкурировать с Меланшоном и обещать новые налоги, включая 75% на доходы свыше 1 млн евро

в год. Но его главным козырем было обещание пересмотреть соглашение ЕС о бюджетной дисциплине, которое к тому времени уже ратифицировали несколько стран.

Сразу после выборов Франсуа Олланд вылетел в Берлин, на встречу с Ангелой Меркель. И здесь кроется главный интерес французской политики – удастся ли найти вместе с немцами вариант, который бы позволил сочетать политику экономического роста с политикой строгой экономии, без которой невозможно сократить дефицит, долг и его обслуживание. Уже 30 лет во Франции хронический бюджетный дефицит, а с 2004 г. – дефицит торгового баланса. Как в этих условиях финансировать такой дефицит? За счёт новых займов. Суверенный долг Франции также значительный, он приближается к 90% ВВП. Это меньше, чем в Японии и в Соединённых Штатах, но всё-таки откровенно много. Либо нужно с этим жить дальше, но тогда надо экономить, либо нужно увеличить рост производства и тем самым доходы бюджета. Однако тогда появятся проблемы инфляции, роли государства и т.д. Пока же обостряется проблема доверия рынка. Если будут сделаны жесты в сторону увеличения ёмкости внутреннего спроса (государственного или частного), рынки немедленно отреагируют, наказав виновного. Франция же ныне выпускает на финансовые рынки очередной транш своих гособлигаций. Интересно то, что пока основные биржи не реагировали отрицательно на избрание Олланда, они выжидают.

Необходимо отметить и то, что во время предвыборных дебатов между Олландом и Саркози оба ссылались на германскую модель. Каждый из неё брал то, что ему выгоднее. Саркози говорил, что она означает ответственную политику и стабильность. Олланд же упирал на социальную политику, которая допускает профсоюзы к принятию решений. Вероятно, германская модель для Франции – единственный альтернативный вариант. Действительно, шведская модель не подходит, о южно-европейской и говорить нечего (Италия, Греция, Испания), ведь она оказалась катастрофой, достаточно посмотреть на уровень безработицы.

Однако что мы видим – по результатам германских земельных выборов и эта модель начинает сдавать свои позиции. По-

вышение зарплат под давлением профсоюзов ведёт к тому, что темпы роста в Германии снижаются, как и её конкурентоспособность в качестве первого в ЕС экспортёра промышленной продукции. Франция же на сегодняшний день уже потеряла за последние два десятилетия 20% своих мировых рынков. В обеих странах идёт поиск новых вариантов, раздумывают и над либеральными рецептами, и над кейнсианскими. Но пока найти внятный и окончательный ответ не могут.

Вчера казалось, что германская модель для Европы идеальна. Но, во-первых, она неприменима в Южной Европе по объективным параметрам; во-вторых, не ясно её собственное будущее.

Совсем недавно вышли две книги. Одна – беседы Олланда, другая – беседы известного философа Эдгара Морена. Фактически состоялся их обмен мнениями. Эдгар Морен утверждает, что переживаемый кризис – это кризис мировой цивилизации. Налицо – кризис системный, кризис моделей. Это характерно в какой-то мере и для азиатских стран, включая Китай. Всё говорит о том, что и их модель до определённой степени исчерпывает себя. Она была пройдена Японией, Южной Кореей, Тайванем, в странах Азии – дешёвая рабочая сила, высокая норма накопления, ввоз капитала и техники, технологий из первого мира и массовый экспорт. То, что ждёт Китай в плане демографии и экологии, очень серьёзно. Даже на всекитайском собрании народных представителей руководство Китая признало, что нынешняя модель развития страны себя изжила, что надо от экспорта переходить на развитие внутреннего рынка. И теперь нужна политическая реформа, которая придала бы китайской системе бóльший внутренний динамизм.

Мы, действительно, живём в глобализированном мире. Современные кризисы не могут преодолеваться усилиями лишь одного центра мировой экономики и политики, тем более, за счёт других. Ничего из этого не получится.

Что же говорит Олланд? Очень интересную вещь. Мой главный противник, поведал он, это финансы, т.е. богатые. Но затем добавил: наш главный противник – Китай; наши проблемы связаны на манипулировании китайцами юанем, на скрытом субсидировании китайского экспорта и т.п. Этот тезис, по-видимо-

му, означает, что новый президент Франции намерен повесить на китайцев трудности в осуществлении своей предвыборной программы. Если Марин Ле Пен, говоря об истоках трудностей, ссылается на арабов, в целом на иммигрантов, то Олланд выбрал в качестве громоотвода Китай.

Французские выборы показательны не только тем, что социалист после 17 лет перерыва пришёл в Елисейский дворец, и что, судя по всему, вскоре он получит левое большинство в парламенте, но также тем, что успешно выполнять свою программу в рамках возможностей, допускаемых логикой интеграционного процесса и глобализацией, Олланд вряд ли сможет. И об это разбиваются напрасные ожидания в связи с приходом к власти социал-демократов.

*В.Б. Белов**

О ГЕРМАНСКОЙ МОДЕЛИ

Прежде чем говорить о кризисе германской модели, надо уточнить, что такое германская модель. Это не просто евроконтинентальная модель, это неолиберальная модель, которая формулируется в немецком языке как политика хозяйственного порядка («орднунг»).

Первейший принцип – это конкуренция. Конкуренция не только политическая, но и экономическая. А сильное государство в немецком понимании, в понимании Ойкена и других это ночной сторож, который обеспечивает правила игры. Вот правила игры в Германии обеспечены гораздо лучше для хозяйствующих субъектов, чем во Франции. Олланд обратился к мало-му и среднему бизнесу, который, к сожалению, в отличие от Германии, не является основой французской экономики: французская дирижистская экономика строится на крупных концернах (40 концернов являются символом конкурентоспособности Франции). Он говорил о том, что надо освободить рынок, рынок труда, в первую очередь, от тех оков, которые тяготили, например, германскую модель в течение более 60 лет.

* Белов Владислав Борисович, к.э.н., рук. Центра германских исследований ИЕ РАН.

В то же время во Франции всего 70 тыс. экспортно-ориентированных предприятий малого и среднего бизнеса, а в Германии – 360 тыс. (из 4 млн). Да, минимальная зарплата в Германии самая высокая в Европе. Но в Германии есть тарифная автономия. Не государство регулирует зарплату, а работодатели и работники, и уже с начала 1970-х гг. Причём, длительное время именно профсоюзы реально сдерживали заработную плату и сейчас они обоснованно требуют её повышения. Перед Францией стоит и другой вызов: ежегодно здесь выходят на рынок труда 850 тыс. молодых людей, тогда как в Германии всего 250 тыс. Колоссальная разница. Очевидно, Олланд будет вынужден договариваться с профсоюзами относительно уступок в пользу малого и среднего бизнеса. Без этого экономика не станет конкурентоспособной.

В целом не соглашусь с тем, что модель Германии находится в кризисе. Она находится в стадии освобождения от тех патерналистско-социальных оков, в которых она находилась в течение 63 лет. В то же время количество партий в Германии растёт. «Пираты», по всей видимости, в 2013 г. пройдут в парламент. Вместе с «зелёными», ПДС и социал-демократами они составят большинство. Происходит поляризация сил. Но при всех происходящих изменениях необходимо помнить, что экспортная составляющая германской экономики, её стержень, остаётся сильной, и в марте 2012 г. достигнут очередной рекорд. Германия – одна из немногих стран, которая сохранит экономический рост в 2012 г., в отличие от большинства других Германия остаётся локомотивом экономики ЕС, и по-прежнему её модель конкурентоспособности обеспечивается за счёт малого и среднего бизнеса, за счёт создания рабочих мест именно в этих отраслях. Социал-демократия в Германии показывает именно либеральный подход. Германия также демонстрирует пример деbüroкратизации управления экономикой по всем параметрам от отчётов до предписаний. А во Франции бюрократия одна из самых неповоротливых в ЕС; не зря здесь малый и средний бизнес взывает к Олланду провести реформы. У Франции, безусловно, есть шансы повысить свою конкурентоспособность, и в этом большую пользу может принести связка Берлин – Париж.

*В.Я. Швейцер**

О ТЕНДЕНЦИЯХ В ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЫ XXI ВЕКА

Партия как субъект политического процесса не может существовать вне целостной партийно-политической системы, основным признаком которой является её интеграция в структуру органов законодательной и исполнительной власти. Во всех европейских государствах, вне зависимости от продолжительности периода формирования и функционирования этой структуры, критерием партийности власти является присутствие в ней партий как несущих опор демократического строя.

Сформировавшийся к концу XX в. «социализированный капитализм» – триединство рыночной экономики, социального государства и социально-политического партнёрства – так или иначе действовал в рамках ряда национальных государств. Иная ситуация складывается в условиях непредсказуемых трудностей формирования объединённой Европы. Сбои в процессе её создания усугубляются разновекторными глобализационными процессами.

Несостоятельность партийных механизмов управления финансовой, экономической, экологической и социальной сферами подтверждается привлечением к высшим должностям экспертов, не связанных с теми или иными политическими партиями. Налицо замена координационных встреч лидеров партий совещательными процедурами на надгосударственном уровне. Составной частью европейского политического процесса стало конфликтное состояние взаимоотношений властей и значительной части населения даже при совпадении формального членства тех и других в одной и той же партии.

* Швейцер Владимир Яковлевич, д.и.н., рук. Центра партийно-политических исследований ИЕ РАН.

Характерной особенностью начавшегося процесса деградации устоявшихся конструкций является очевидный сбой в сложившейся системе партийных координат. Их основным элементом изначально была дифференциация на правых и левых с добавлением к этому центризма. Правда и сегодня соответствующие игроки на политическом поле Европы прибегают к привычной самоидентификации, которая в реальности сохраняется в их идейно-программном багаже, всё меньше характеризую реальный политический курс основных субъектов партийного пространства Европы.

Этот курс размежовывает сегодня ведущие политические силы Старого Света по двум основным направлениям. Первое охватывает партии, стремящиеся найти выход из кризисной ситуации на путях совершенствования системы интеграционных и глобализационных отношений. Этими **просистемными партиями** являются и демохристиане (консерваторы) и либералы – прежние экспоненты правого лагеря. Рядом с ними – весь европейский спектр социал-демократии, вне зависимости от её географических ареалов. Отчасти их поддерживают экологи, большинство которых всё же можно отнести к **антисистемным партиям**. В этом лагере разброс по прежним идейно-политическим критериям ещё более ярок. Здесь и радикал-социалисты – совокупность партий, отколовшихся от соответственно коммунистов и социал-демократов, недовольных реальным в период кризиса демонтажем социального государства. Одним из важных звеньев «антисистемщиков» являются радикал-националисты, которые не приемлют иммиграционный компонент современной европейской жизни, порождённой, по их мнению, поспешной интеграцией Европы и её вписанностью в глобализированный мир. В интеграции видят корень зла и сепаратистские партии, резко критикующие региональную политику Евросоюза, усматривая зачастую в новом переделе национального государства ключ к решению проблем сохранения своей самобытности.

В складывающейся ситуации утрачивает прежнюю политическую значимость термин «центризм» как выражение особой, промежуточной сущности соответствующих партий. Добавление к этому термину приставок «право-» либо «лево-» нередко

может означать лишь эквивалент слабовыраженных компромиссных политических решений. Постоянно оставаться в этих рамках не позволяет быстроменяющаяся социально-экономическая и частично внешнеполитическая конъюнктура. Политическим выражением «центризма» становится уже обозначенное выше самоустранение партий от управления в острых кризисных ситуациях, привлечение беспартийных менеджеров, создание временных коалиционных союзов на весьма зыбкой компромиссной основе. В отдельных случаях такие правительства могут включать в себя не только «системные» партии, но и их антагонистов – «антисистемщиков». Но этот вариант отправления власти возможен лишь как паллиативное решение при неустойчивом парламентском большинстве системных партий.

Деградация партийной системы Европы, хотя и получила существенный импульс в период нынешнего кризиса, усиливается и тенденциями, обозначившимися ещё на рубеже XX–XXI вв. Это сокращение численности политических партий, утрата их влияния в среде организаций профессионального, возрастного, гендерного типа. Ослабевает влияние партийной прессы, тают партийные источники пополнения финансовой базы. Налицо и коррупционные скандалы, многие из которых подрывают авторитет традиционных партий, ибо их участниками становятся люди из близкого партийной верхушке окружения, а то и сами партийные верхи. Уходит в небытие престиж некогда могучих межпартийных объединений глобального масштаба (например, Социнтерна). Заменой этим связям пока не стали организации межевропейского партийного сотрудничества. Практика работы Европарламента свидетельствует, что значительная часть принимаемых решений определяется, судя по всему, не по партийному, а по страновому принципу.

Поскольку кризисные процессы, присущие глобализации и евроинтеграционному строительству, не находят пока устойчивых форм противодействия, постольку и партийный дискурс современной Европы вряд ли может дать каких-либо осязаемых перспектив к выздоровлению.

В обозримом будущем партии будут находиться в тисках двух реальных сил. Одна из них – авторитарный глобализаци-

онный неокорпоративизм, который всё более берёт на себя функцию всемирного регулятора финансовых, экономических, социальных процессов. Другая – напирает на политические партии снизу в виде массовых непартийных движений, стремящихся бороться с неокорпоративизмом, минуя рамки традиционных партийных решений. Можно предположить, что партии в этих условиях при всей их склонности к политическому маневрированию смогут играть роль преимущественно рекомендательных органов, в лучшем случае, посредников в ходе острых внутренних и внешнеполитических конфликтов.

*В.В. Попов**

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РАЗЛОМЫ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Мир переживает переходный этап. И слово «неопределённость» выражает существо нынешних процессов – рухнет старая система международных отношений, которая была создана 60 лет тому назад. Ясно, что в том виде, в котором она существовала раньше, когда пять великих держав во многом определяли ход мирового развития, сохранить её невозможно, если только ещё на несколько лет. И это на фоне множества обостряющихся вызовов глобального характера, особенно, что касается природы.

Мне кажется, что надо вернуться к идее евразийства. Необходимо осознать, что центр мира перемещается на Восток. Необходимо всячески усиливать связи между Европой и Азией, в том числе с помощью трансконтинентальных магистралей. Это будет обоюдовыгодно и Европе, и Азии. Для России такие проекты могут стать магистральным событием XXI в., они оживят нашу страну, мобилизуют граждан, укрепят веру в наши собственные силы.

Мировая история – это общий цивилизационный поток, в который включены все народы и страны со своей уникальной культурой, мировосприятием и историческим опытом. Это про-

* Попов Вениамин Викторович, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, директор Центра партнёрства цивилизаций, МГИМО (У) МИД РФ.

тиворечивое единство и есть – целостность мира. Оно определяет его жизнеспособность, как сложной динамической системы. Вместе с тем, мы вправе сказать: нынешняя эпоха отличается особой сложностью, а главное – большей, нежели ранее, непредсказуемостью. Информационно-технологическая революция, глобализация сделали мир исключительно взаимозависимым и взаимосвязанным. Мировое сообщество сталкивается с всё возрастающим количеством общих вызовов. Обстановка в мире стремительно меняется, и думается, что следующие годы будут ещё богаче на политические катаклизмы.

Общепризнан вывод о том, что западная цивилизация переживает глубокий кризис. На авансцену мировой политики выходят новые государства и группы стран с потенциалом глобального влияния, способностью к изменению баланса сил, вовлечению в историческое творчество миллионов масс. Это Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, исламский мир. Восток переживает модернизацию, и важно, что этот процесс происходит не по рецептам вестернизации, а своим уникальным путём.

Зримо и выпукло возрастает в последнее время роль исламской цивилизации. Она сыграла значительную роль в мировой истории, и ныне оказывает всё большее и осязаемое влияние на различные стороны жизни и международные отношения. Логичным представляется тезис о том, что многие острые кризисные ситуации будут идти по оси противостояния мусульманских стран и Запада. Поэтому в ближайшем обозримом будущем проблемы исламского мира останутся в центре внимания.

На острие противостояния оказался исламский мир, вернее его радикальная часть. Конфронтация западного и исламского миров прослеживается не только в проблемах терроризма. Она проявляется и в иных формах, прежде всего, связанных с горячими точками, с кризисными ситуациями. Наиболее рельефно эти противоречия выходят на поверхность в Западной Европе, где развитые государства постепенно отступают под натиском обосновавшихся в этих странах мусульманских меньшинств, в частности, из-за пресловутой политкорректности и зависимости от поставляемых мусульманским Востоком энергоресурсов.

Большое количество конфликтных ситуаций создаёт огромные сложности и вселяет страх и отчаяние в силу того, что предпринимающиеся многосторонние усилия заходят в тупик, заканчиваются неудачей.

Одной из наиболее сложных проблем, стоящих перед человечеством, наряду с растущим разрывом между богатыми и бедными, является цивилизационный разлом, прежде всего по линии Запад и ислам, причём острота конфронтации усиливается. Всё более чётко определяются две главные противостоящие силы. С одной стороны, это исламский радикализм, который нередко прибегает к насилию для укрепления своего влияния и нанесения урона Западу, с другой – правоэкстремистские силы ведущих индустриальных государств, которые занимают всё более жёсткую позицию в отношении мусульманской иммиграции и содействуют распространению исламофобии.

О террористических акциях исламистов против западных государств написано много книг и статей. В апреле с.г. во Франции всех потрясли, например, действия «тулузского стрелка». Об активности правых сил на Западе сообщается гораздо меньше, ибо западные СМИ стараются избегать выставлять свои страны в невыгодном свете. Между тем, движение против исламизации Европы набирает силу. Проведено несколько общеевропейских конгрессов на эту тему. Наиболее поразительной страницей этого явления стал теракт норвежца Брейвика – прошлогодняя трагедия в Норвегии. Анализ полутора тысяч страниц его манифеста говорит о том, что главную опасность для стран Европы представляет ислам и исламские меньшинства. На Западе усиливаются призывы к тому, чтобы эту опасность заблокировать и даже начать гражданскую войну в Европе против тех, кто хочет умиротворить ислам. Этот период Брейвик определяет примерно в 30 лет, а уж затем призывает перейти к непосредственной борьбе с мусульманскими странами. У норвежского убийцы нашлось немало последователей, многие одобряли направленность его действий как естественную реакцию «белого человека» на нынешнюю ситуацию.

Происходит рост неонацистских правых сил, экстремистов, маячит угроза неонацизма. Европа находится в тяжёлом кри-

зисе, и не исключена дальнейшая поляризация, радикализация. Примечательно, что в Греции экстремистская партия «Золотой рассвет» (или «Заря») выдвинула лозунг: «Греция – для греков!», а французский Национальный фронт – «Франция – для французов!». Такого рода идеи носятся в воздухе. В мусульманском же мире наблюдается подъём политического ислама, и поэтому опасность разжигания старых конфликтов и появления новых кризисных ситуаций заметно возрастает.

В этих условиях нужно вернуться к вопросу о роли России. Ведь в цивилизационном плане Россия – успешная многоконфессиональная и многонациональная страна. У нас не было религиозных войн, русские никогда не жили одни на своей территории, хотя и у нас существуют проблемы. Тем не менее, наши мусульмане, в отличие от Западной Европы, коренные жители. Россия должна сыграть роль цивилизационного моста. Менделеев, в частности, писал, что Россия в состоянии выполнить роль примирителя Европы и Азии. Николай Александрович Бердяев употреблял в отношении России такой термин – «Востоко-Запад». И мы сейчас подходим к более глубокому пониманию этого тезиса.

Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров в одном из выступлений в середине февраля 2012 г. заявил, что «партнёрство цивилизаций из области академических дискуссий сейчас переходит в сферу реальной политики». Считаю, что это шаг в правильном направлении.

*А.В. Виноградов**

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

Финансово-экономический кризис, поразивший мир в 2008 г., произошёл, когда, казалось, многие аналитики, уверовав в западную экономическую модель, взяли её на вооружение, надеясь добиться определённых впечатляющих результатов. Однако глубина кризиса измеряется не только падением ВВП в наибо-

* Виноградов Андрей Владимирович, д.полит.н., руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.

лее развитых странах и снижением темпов экономического роста в развивающихся, – кризис заронил сомнения в адекватности имевшихся представлений закономерностям исторического развития в целом. Глобальный характер экономики, в значительной степени ставший результатом потребностей западных экономик и целенаправленной политики западных государств, вскрыл их уязвимость и оспорил права на историческое лидерство, одновременно указав ниши и новые направления роста, доступные отныне и недавней мировой периферии.

Очевидно, что природа кризиса связана не только с сугубо экономическими факторами, но и с закономерностями более общего порядка – культурными и политическими традициями, особенностями трудовой этики и их сочетанием с современными формами организации производства. Многое указывает на то, что в мировую историю вступают новые субъекты, способные на историческую инициативу и собственные социально-экономические и социо-культурные модели, не претендующие, однако, на универсальность. Возможно, это и является главным вызовом современному человечеству, на протяжении последних столетий развивавшемуся в основном под влиянием центростремительных тенденций.

Вся известная история человечества – это, в сущности, история разных социальных субъектов: кровнородственных, территориальных, религиозных, национально-государственных и т.д. Не трудно заметить, что главной тенденцией развития является повышение меры всеобщности, предполагающее решение более сложных, высоких и масштабных задач. В соответствии с этой тенденцией создаются теории истории, описывающие решение главной на данный момент проблемы развития.

Последние 500 лет центральные направления мирового процесса определяла европейская история, а её локальные задачи фигурировали в ведущих исторических концепциях. Развившийся в XX в. цивилизационный подход подверг критике европоцентристскую установку (Н. Данилевский, О. Шпенглер) и, объединив многообразие всех исторических субъектов, представил свой взгляд на механизм исторического развития (А. Тойнби). Однако, получив известность и завоевав последователей, он так

и не смог стать ведущим направлением общественной мысли XX в. В последнее время изменения в характере исторического процесса, вызванные глобализацией, ещё более повысили интерес к цивилизационной теории (С. Хантингтон), обнаружившей солидный эвристический потенциал. Современное кризисное состояние человеческой цивилизации свидетельствует о том, что процессы цивилизационного генезиса не завершились, и у современников появилась уникальная возможность попытаться понять их механизм изнутри, в реальном времени.

Цивилизация – одно из наиболее общих понятий, которое должно согласованно описывать множество явлений социальной жизни. Именно этим объясняется то, что общепризнанного всеобъемлющего определения «цивилизации», по нашему мнению, до сих пор не существует. Часто его смешивают с другим, близким по смыслу понятием «культура», у которого также нет однозначного определения. Одни и те же черты и свойства относятся и к культуре, и к цивилизации, что, безусловно, свидетельствует об их генетическом родстве. Вместе с тем, существует смысловая граница, действительная только для цивилизаций. Цивилизация – единственное понятие, которое применяется исключительно к социальной материи, в отличие от культуры, которое применяется и к предшествующему уровню развития – живым организмам. Понятие «цивилизация» воплощает, таким образом, самые яркие и фундаментальные черты социального.

Начиная с животного мира, культура – это всегда выделение из окружающей среды, создающее условия для внутреннего роста. Важнейшее свойство культуры – длительное эволюционное накопление изменений. Человек появился как биологический вид (или биологическая культура), но в результате ряда изменений, у него помимо биологических стали нарастать иные отличия, которые мы называем социальными. Человек не просто выделился из окружающего мира, как это делали до него все живые организмы, он выделился из животного мира, открыв новое пространство многообразия – многообразие социальных общностей. Одна из центральных проблем истории и состоит в исследовании того, как культура превращается в цивилизацию – «со-

брание культурных характеристик и феноменов»¹⁸, «высокую культуру»¹⁹, «наивысшую культурную целостность»²⁰, «оплотневшую», «кристаллизовавшуюся культуру»²¹ и т.д.

На протяжении тысячелетий человечество развивалось под определяющим влиянием своего материнского ложа – окружающей среды. Природные условия задавали параметры не только этнических и расовых отличий, но и шире – всей общественной жизни, определяя многообразие локальных социумов. Общим у них была не только биологическая родословная, но и главный родовый признак – интеллект, т.е. способность взаимодействия с внешней средой через конструирование собственного внутреннего (духовного) мира и преобразование в соответствии с этими представлениями мира внешнего. Первые социальные, догосударственные общности (культуры) вырабатывали примитивный (и поэтому похожий), но самобытный и целостный способ освоения мира. По результатам такого освоения складывалось представление о степени развития общества – чем более независимым от природы оно было, тем более развитым считалось. Такую независимость давала, прежде всего, материальная культура.

Согласно наиболее распространённым представлениям, труд создал человека. Воплотившееся в нём деятельностно-агрессивное отношение к внешнему миру было нацелено не на потребление окружающей среды в непосредственном виде, как у животных, а на её преобразование, создание «второй», искусственной, максимально комфортной для человека природы. Это предопределило фундаментальное положение материальной культуры в структуре человеческого общества, определяющего степень развития уровнем и глубиной преобразования окружающей среды. Такое преобразование получило название экономика (в переводе с греческого – домоустройство, обустройство собственного жилища). Это одна точка зрения, до сих пор

¹⁸ Ф. Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв. М., 1986, т. 1. С. 544.

¹⁹ У. Мак-Нил. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев, М., 2004. С. 13-14.

²⁰ С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 50.

²¹ Е.Б. Рашковский, В.Г. Хорос. Мировые цивилизации и современность. (К методологии анализа.) М., 2002. С. 37.

господствующая в современном материалистическом мире. В зависимости от способа преобразования (способа производства) выделяют земледельческие, кочевые, индустриальные, постиндустриальные или информационные цивилизации.

В соответствии с другой точкой зрения, главным отличием человеческого общества от животного мира стали нормы поведения. Человек выделился из природы, прежде всего, потому что приобрёл новые характеристики, связанные с жизнью в коллективе. Отделение от внешнего мира, таким образом, произошло не только по линии материальной культуры, – внутри общества также пролегли разграничительные линии, структурно выделившие его из природы. Согласно этим представлениям, фундамент человеческой культуры заложили нравственные ограничения. История приобрела характер эволюции нравственных принципов, которые и создали социальный мир и человеческую культуру в современном виде. Первые развитые формы нравственности и этические концепции были связаны с религией, ставшей целостным воплощением духовной культуры. Поэтому и сегодня цивилизационное многообразие часто отождествляется с религиозным. Религиозная нравственность, действительно, дала первую форму сосуществования локальных (жёстко привязанных к месту и природной среде) общественных групп, при которой их конкурентное взаимодействие вело не к борьбе и поглощению, типичному для живой природы, а к взаимовлиянию и сотрудничеству.

Культура, став основной единицей измерения истории, вызвала появление нового класса закономерностей – социальных, а многообразие культурных практик привело к вариативности социальных законов, вышедших за пределы биологических и обогатившихся собственными характеристиками. Двойственная природа генезиса человечества навечно сохранилась во взаимном влиянии двух культур, а также в противоречивом единстве индивидуалистического и коллективистского в развитии общества. При этом обнаружилось чёткое разграничение их функций. Материальная культура стала инструментом преобразования мира, динамизма и развития. Духовная, в первую очередь лежащие в её основе нравственные принципы – фактором под-

держания внутренней стабильности и придания социальным организмам (при всех известных проявлениях их противоречивости) – более или менее устойчивых форм. На протяжении большей части известной истории ведущая роль сохранялась за духовной культурой, свойственной традиционному, зависимому от природы обществу, главной задачей которого было не откатиться назад в варварство.

Вне зависимости от того, что мы берём за основу – материальную или духовную культуру, степень развития человеческого общества определяется мерой его отличия от естественной природы, животного мира, а не степенью приближения к некой нормативной культуре – европейской, китайской или любой иной.

Прочное сочетание функционально столь различных материальной и духовной культур мог обеспечить только единый консолидирующий центр, способный осуществлять перераспределение ресурсов из одной сферы в другую и поддерживать согласованное развитие при переходе общества из одного состояния в другое. На протяжении большей части истории религия и политика, продолжая традиции двух культур, предлагали свои варианты и способы упорядочивания социального мира. В конечном счёте, политическая организация смогла предложить высшую форму поддержания социальной стабильности и регулирования социальных конфликтов, не отменив конкуренцию культур, но предоставив им возможность реализовать своё фундаментальное свойство – образовывать конгломераты и взаимодействовать, не теряя идентичности.

Успешные народы, сумевшие создать более комфортные условия проживания и более стабильный и длительный социальный мир, постепенно становились точками притяжения, полюсами консолидации региональных пространств. Главный источник собственного роста человеческая культура видела в экспансии, до определённого времени осуществлявшейся, как правило, насильственно. Но иногда она происходила добровольно за счёт заимствования знаний, материальных орудий, навыков и умений, религиозных представлений, если они доказательно повышали комфортность жизни. Перетекание достижений культу-

ры обеспечивало поступательное движение истории на протяжении тысячелетий, став важнейшим фактором развития. «Контакт с чужеземцами, обладающими новыми, неизвестными знаниями и умениями», стал основным фактором, «способствующим значимым социальным изменениям», а «в критические периоды перехода к цивилизации ... жизненно важным становилось иностранное влияние»²².

Одной из ранних и повсеместных форм такого «сосуществования» и взаимовлияния культур стали империи, которые смогли создать наднациональную, надэтнокультурную и даже надрелигиозную – имперскую идентичность. Империя стала одной из форм становления новой общности – цивилизации, сохранившей внутренний источник развития в виде многообразия культур, но с общей политической властью, обеспечивавшей их со-существование. Цивилизация в отличие от культуры получила возможность развиваться и усложняться за счёт межкультурно-го синтеза, переместив источник развития из взаимодействия общества с природой в сугубо социальную среду – во взаимодействие культур. Сложившееся многообразие периодически давало возможность одной из национальных (региональных, этнических) культур брать на себя стратегическую инициативу и не-редко вставать во главе прогресса, каждый раз перестраивая политическое пространство. Следствием этих процессов стала про-странственно-функциональная структура цивилизации, которая помимо ядра включала периферию и лимитроф, не только тяготеющих к цивилизационному ядру, но и разделявших цивилизации, создавая условия для их бесконфликтного развития.

Способность к перемещению, «блуждание» ядра не только повысило жизнеспособность имперских конгломератов культур, дав им запас географической прочности, но и позволила в определённой степени ослаблять негативную инерцию. Поэтому А. Тойнби выделял два главных критерия цивилизации – религию и формы её организации и *удалённость от места возникнове-*

²² У. Мак-Нил. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев, М., 2004. С. 13, 117.

ния²³. Способность к воспроизводству на новом месте с элементами взаимопроникновения и синтеза культур укрепляла цивилизации. Переживая подъёмы и спады, мигрируя, они стали гораздо менее уязвимы. Предложив устойчивую форму сосуществования культур, каждая цивилизация создавала особый самодостаточный мир, который вырабатывал собственный механизм развития и поэтому, как мы считаем, смог конституироваться в качестве нового субъекта исторического процесса.

Каждой локальной цивилизации соответствовал свой естественно-исторический тип бытия, отражавший в какой-то мере условия её появления и существования. Одновременно их изолированность способствовала не только росту разнообразия, но и неравномерности развития. Укрепляясь, империи активно проводили экспансию и, в конце концов, приводили цивилизации в соприкосновение, сделав их ещё и мировыми субъектами и положив, таким образом, начало поиску ими новой, межцивилизационной этики. Исчерпав лимит экстенсивного роста за счёт периферии и лимитрофа и встретив сопротивление мощных конкурентов, они получили дополнительный стимул, чтобы сосредоточиться на внутреннем росте и совершенствовании.

Важную роль в превращении Европы в локомотив научно-технического прогресса сыграло христианство, отличительной чертой которого являлось стремление, уподобляясь богу, постигать мироздание. Последовавшая затем эмансипация науки от религиозной морали сделала возможным создание нового мира, построенного на человеческом разуме, а не на божественной воле. Появление модерна (модернизация в этимологическом значении) стало типом развития европейской цивилизации, соответствующим западной традиции рационализма, а рынок и демократия – пространством для человеческого творчества и взаимодействия, превратив западную цивилизацию в креативную и инновационную.

Современная европейская цивилизация состоялась потому, что предложила миру новый, прогрессистско-экономический тип исторического бытия, сделала скорость и темпы прогресса

²³ В.И. Уколова. Арнольд Тойнби и постижение истории. А. Тойнби. Постигание истории. М., 1991. С. 12 (курсив мой – А.В.).

существенным фактором развития, обретя, таким образом, свои конкурентные преимущества. В то время как до этого для всех традиционных цивилизаций существенным было, прежде всего, поддержание стабильности.

В отличие от неё, скажем, китайская цивилизация, изолированная пустынями и горными массивами на суше, не испытывала серьёзной конкуренции со стороны других цивилизаций и была обречена, однажды конституировавшись, выступать бесменным региональным лидером развития. Изоляционизм сделал её главным критерием духовное совершенствование, которое придало ей несравненную прочность, но в отличие от Европы не давало стимула для территориальной экспансии, обезоружив перед техническим превосходством Запада. Китайская цивилизация выработала свой тип развития, свойственный традиционному аграрному обществу – принципиальную эволюционность, философско-этически обоснованную, позволявшую избегать революций и поэтому, неизбежно, циклическую, достоинства которой, однако, померкли в динамичном мире.

Техническое развитие Запада связало планету воедино, многократно увеличив скорость взаимодействия. Его экономическая и политическая экспансия положила начало глобализации, став её непосредственной причиной.

Главным критерием развития мира стала материальная культура, определив на столетия основной дискурс исторического движения. Появление универсальных критериев прервало естественно-исторический ход развития отдельных стран и регионов. Это положило начало его качественно новому этапу. Первоначально восстановление конкурентоспособности связывалось этими странами с простым заимствованием очевидных преимуществ в военной сфере и промышленности, затем идея заимствования была распространена и на ключевые экономические и социально-политические институты. Вестернизация как доминирующая мировая тенденция первой половины XX в. получила обоснование в теории модернизации, исходившей из всеобщности и универсальности социальных законов.

Теория модернизации адаптировала европейский формационный подход для отсталых стран, аргументировав переход от

традиционного общества к современному и последовательное формирование новой материальной культуры и социально-политической организации на основе уже известного опыта европейской истории. Её несомненная популярность в XX в. была вызвана тем, что все существовавшие в мире цивилизации в действительности уже становились модернизирующимися, т.е. ищущими способ догнать и составить конкуренцию современному западному обществу, прежде всего в сфере материального производства. Из такого понимания и выросло представление о модернизации как об особом, «догоняющем» типе развития. Оно подкреплялось опытом развития Германии и некоторых других европейских государств в конце XIX – начале XX в., которые заимствовали передовую технику, технологии и необходимые для их быстрого развития принципы организации индустриального производства, а также некоторые социально-политические институты, чтобы догнать передовые страны. Их успех вселял надежду на возможность повторения этого пути повсеместно.

Однако практика показала необоснованность такой стратегии для всего остального мира. Если индустриальные технологии и рынок как естественная среда функционирования современной экономики получили всеобщее распространение, то традиционные социально-политические институты и социокультурные традиции за пределами Европы в значительной степени были сохранены или получили самостоятельное продолжение.

Способность воспринимать и передавать знания и практические навыки – т.н. «диффузия цивилизаций» (У. Мак-Нил) – продолжала развиваться. В процессе освоения достижений Запада происходило заимствование не только экономических и политических институтов, но и инструментов преобразований – идей и концепций, которые вступали в сложные отношения с местной традицией.

В результате модернизации экономики интеллектуальные элиты Востока воспринимали рациональный метод мышления и социально-исторического поведения, как либеральный, так и социалистический. При этом социалистическое учение, оппозиционное империализму и колониализму и поэтому предостав-

лявшее довольно широкое пространство для развития различного рода национальных идей, получило поддержку значительной части национально ориентированной интеллектуальной элиты. Марксизм представил теорию политического и исторического действия, понятную не только образованным классам авторитарного общества, но и основной массе населения, и смог стать инструментом в политической борьбе, указав направление дальнейшего развития. Интерес к нему значительно вырос после образования Советского государства, продемонстрировавшего на практике способность противостоять империалистическому диктату и самостоятельно развиваться. Большое внимание опыт России привлёк в Китае.

С середины XIX в. всё развитие Китая протекало под определяющим влиянием материально-технического и технологического превосходства Запада. Оно неизбежно приняло форму модернизации, т.е. внутренней трансформации с целью адаптации к внешнему воздействию, прежде всего приведения его социально-экономического уровня в соответствие с мировым. Китайский опыт преобразований в течение последних 150 лет тем более ценен, что огромная по масштабам централизованная империя не была покорена европейскими державами и самостоятельно искала ответы на западное вторжение (в отличие, например, от Индии, на протяжении нескольких поколений напрямую усваивавшей уроки Запада).

Главным заимствованием китайских интеллектуалов стала идея насильственной революции, нарушавшая прежние, традиционные представления о ходе исторического процесса. Стихийному (естественно-историческому) течению истории стала противостоять такая её интерпретация, когда история строилась в результате целенаправленных усилий, прилагаемых в соответствии с практическим опытом других стран или соответствующими ему теоретическими представлениями. Но этим заимствования не ограничились.

Провозгласив после Октябрьской революции 1917 г. целью достижение уровня экономически развитых государств, российская социал-демократия по сути превратила марксизм из революционной теории социальной справедливости в идеологию го-

сударственного строительства. Политическая практика марксизма, таким образом, была воспринята в Китае, потому что претерпела глубокие изменения в России и уже была частично адаптирована для использования в восточных обществах. Дав Китаю характерные для западной цивилизации инструменты преобразований, большевизм сыграл решающую роль в переходе Китая от традиционных форм общественного устройства к современным. При этом и сам марксизм последовательно эволюционировал и как идеологическая концепция, и как общественно-политическая практика в направлении национальных традиций, сначала превратившись в большевизм в России, а затем в «китаизированный марксизм» в Китае.

В результате, с самого начала в Китае марксизм стал восприниматься преимущественно как учение о догоняющем развитии, как государственная идеология, и тогда выяснилось, что основные инструменты марксизма для строительства более справедливого общества (план и диктатура), применимы и для решения задач ускоренного социально-экономического роста в остальных странах.

Целью модернизации, вне зависимости от её типа – социалистической или либеральной, таким образом, можно считать достижение универсальных социально-экономических показателей, гарантирующих самосохранение и успешное развитие цивилизации. Однако процесс модернизации не ограничивается, как долгое время было принято считать, социально-экономическими преобразованиями и следующими из них изменениями в социально-политической сфере. Экономический детерминизм, свойственный европейской цивилизации и зафиксированный в европейских социологических концепциях, прежде всего марксистских, не действует в других цивилизациях в полном объёме. Экономические преобразования явились необходимым этапом в приведении уровня развития в соответствие с мировым и ликвидации, таким образом, угрозы поглощения внешней средой.

На следующем этапе главной задачей становится обретение нового качественного состояния – новой идентичности, неразрывно связанной с социокультурными традициями и способной

гарантировать удержание этого статуса. При этом формирование социально-политических механизмов находится в непосредственной зависимости от социокультурных факторов, которые обладают способностью придавать стабильный характер общественному развитию в период масштабных перемен.

Таким образом, воспринятый другими цивилизациями рационалистический взгляд на развитие вдохновил их элиты на создание собственных общественных концепций, в которых модернизация наделялась другим смыслом, близким к изначальному, – она уже предполагала не приближение к современности по европейскому пути и воспроизводство западной модели, а самостоятельное созидание.

Сотворение истории, раньше доступное только европейскому человеку и европейской цивилизации, теперь получало повсеместное распространение. В авангарде этого процесса, естественно, оказались наиболее динамичные и успешные страны бывшей периферии, в первую очередь, Китай, активно разрабатывающий собственные концепции общественного развития. Отстояв право на национальную специфику в рамках марксизма ещё при Мао Цзэдуне, при Дэн Сяопине с началом реформ Китай энергично продолжил формирование собственной теории – «социализма с китайской спецификой», уйдя в ряде своих выводов от положений аутентичного марксизма²⁴.

Эта интеллектуальная традиция продолжается и даже усиливается в современном Китае, общественная мысль которого последовательно идёт к созданию собственных концепций социально-исторического развития, иногда подчёркнуто дистанцирующихся от западных социалистических идей. В соответствии с некоторыми из них «вторичная модернизация» или «неомодернизация» рассматривается как тип развития информационного общества, в равной степени применимый к развитым и развивающимся странам. «Теория вторичной модернизации, – как считают современные влиятельные китайские учёные, – это общая теория модернизации и развития цивилизации»²⁵.

²⁴ Подробнее см. А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2008, 2-е издание.

²⁵ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). Под ред. Хэ

Современная модернизация, таким образом, это интеллектуальный проект, первоначально возникший в Европе, а затем появившийся и в других цивилизационных ареалах как альтернатива их естественно-историческому типу развития. При этом национальный интеллект, а не только вызовы природной среды и даже не заимствованные идеи, становится главным двигателем истории. Отношения между цивилизациями в таком контексте приобретают новый смысл – отныне это не борьба за территорию и ресурсы, а соперничество интеллектуальных проектов.

Как показывает практика, исходная мотивация интеграционных процессов в Азии и Латинской Америке, как, впрочем, и в Европе, лишь отчасти лежала в сфере экономики. Не менее важным мотивом интеграционных устремлений является ощущение исторической близости, цивилизационного родства и основанного на этом доверия.

Какой будет мировая история при таком модернизационном типе развития? Изменения в мире в результате глобализации, признание жизнеспособности азиатских и других моделей, а также, в не меньшей степени, европейская интеграция во второй половине XX в. показали, что на смену действующей модели истории приходит другая, признающая субъектность за несколькими мировыми центрами. Одним из следствий реконфигурации мирового экономического и политического пространства и появления новых исторических субъектов (цивилизационных интеграционных группировок) стало нарушение привычного порядка отношений, структуры и субординации мирополитических субъектов, что существенно поменяло представление о характере современного развития.

Преодоление мирового кризиса может быть связано с преодолением кризиса идентичности этих субъектов, в т.ч. в мировом процессе. До глобализации цивилизации были формой развития культуры, с её началом они стали ещё и главными субъектами взаимодействия, которые должны выработать особые нормы поведения и этику отношений. На протяжении столетий цивилизации внутренне созрели, находя формы терпимости и

сотрудничества, чтобы сейчас их продемонстрировать в отношениях друг с другом.

*В.С. Циренщиков**

ЕВРОПЕЙСКИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Прежде всего, по поводу темы «Посткризисные поиски альтернатив». Её формулировка предполагает поиски альтернатив в период после кризисного развития и завершение кризисных явлений в мировой экономике. Это, на мой взгляд, спорное положение. Далеко не всем экспертам-экономистам сегодня очевидно, что развитый мир находится в посткризисной фазе развития. Напротив, существует довольно обоснованное и весьма распространённое мнение, что мировая экономика только вступила в полосу кризисных явлений, остро проявившихся в мировом финансово-экономическом кризисе 2008–2010 гг., и следует ожидать, что этот процесс с разной степенью интенсивности будет развиваться, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, ещё довольно длительное время, пока странами экономического авангарда не будет пройден необходимый путь адаптации существующей социально-экономической парадигмы к потребностям формирования нового технико-экономического уклада, инновационной экономики.

В литературе встречаются различные классификации моделей социально-экономического развития. Одной из наиболее распространённых можно признать определение этих моделей с учётом цивилизационного развития, особенностей организации и функционирования национальных хозяйств. Обычно условно выделяют англосаксонскую, континентальную и восточную их разновидности. За исключением Великобритании, приверженной англосаксонской модели, считается, что все остальные европейские страны находятся в ареале континентальной модели. Правда, если квалифицировать существующие в Европе модели

* Циренщиков Вадим Сергеевич, д.э.н., рук. Центра междисциплинарных исследований и НТП ИЕ РАН.

социально-ориентированной экономики по критериям: места социальной политики среди национальных приоритетов с учётом альтернативы между социальным благосостоянием и экономическим ростом; распределения социальных функций между государством, предпринимательством, гражданским обществом; масштаба государственного сектора, оцениваемого по объёмам перераспределённого ВВП и долей занятых в нём, а также особенностям проведения социальной политики, то в рамках континентальной модели можно выделить южно-европейскую социально-экономическую модель, учитывающую специфические особенности развития, главным образом Испании, Италии и Греции.

«Англосаксонская модель» – это, прежде всего, публичные компании с множеством мелких акционеров. Для этой модели характерны принятие рискованных решений, меньшая зависимость бизнеса от государства, открытость экономических границ, большое значение фондового рынка. Она опирается на принципы индивидуальной свободы выбора решений с учётом интересов бизнеса. В ней основной экономической единицей является компания (фирма), действующая в интересах максимизации доходов акционеров, акцентируется ориентация на фондовый рынок. Основная модель менеджмента в этой модели – капитализм акционерных компаний (shareholder capitalism).

Континентальная («рейнская») модель (прежде всего в Германии и Франции) характеризуется относительно высокой долей государства в перераспределении ВВП, сочетанием либеральной концепции экономики и социал-демократической концепции организации общества, предусматривающей достижение социального консенсуса. Основным источником финансирования в рамках этой модели являются кредиты банков и других финансовых учреждений. В ней преобладает капитализм владельцев крупных долей в компаниях, ими же управляемых (stakeholder capitalism). В Европе компании включены в финансово-промышленные группы или холдинги, где от компании ожидают поведения, направленного на учёт различных групп интересов, включая сотрудников и менеджмент компании и внешних контрагентов.

Главные различия англосаксонской и европейской конти-

ментальной модели касаются формирования предпринимательского сектора и его взаимоотношений с государством, роли государства в управлении экономикой и социальном обеспечении, степени и стратегии интеграции в современные процессы глобализации.

В восточноазиатской модели, в соответствии с особенностями цивилизационного развития стран Восточной Азии, ведущая роль отведена государству. Именно оно ставит цели, стимулирует и направляет экономическую активность населения, планомерно выстраивает структуру экономики и внешнеэкономических связей. Ей присущи жёсткое государственное регулирование экономики, экспортная ориентация, широкое привлечение иностранных капиталов и достижений научно-технического развития в хозяйство, создание мощных национальных монополий для поддержания конкурентоспособности национальной продукции на мировом рынке, приоритет коллективных, надличностных ценностей. Эти основы базируются на определённых морально-этических нормах трудового поведения населения.

Европейская модель, в отличие от англосаксонской или восточноазиатской, имеет гораздо больше разновидностей, вызванных как особенностями их генезиса, так и положением в системе мирохозяйственных связей. Иначе говоря, эта модель включает в себя многочисленные страновые модификации. Характерными элементами европейской модели можно назвать немецкое социальное партнёрство, французский дирижизм (интервенционизм), итальянский кооперативизм, шведское «государство благосостояния» с широкими перераспределительными функциями, британское дерегулирование и т.д.

ФРГ. После Второй мировой войны усилиями Людвиг Эрхарда реализована модель социального рыночного хозяйства, построенного на принципах хозяйственной свободы, subsidiarity и гражданской солидарности – системы, понимаемой как соединение свободного высококонкурентного рынка с социальной справедливостью. основополагающие принципы и позитивный опыт реализации этой модели на протяжении более чем полувековой истории оказались крайне актуальными и для сегодняшней ситуации. Они лежат в основе сравнительно успешно-

го продвижения Германии по пути инновационного строительства. Этот концептуальный подход органично и успешно вбирает в себя положения теорий неоклассического синтеза, диктующих расширение использование принципов либерализации, и усиление роли государства в хозяйственной жизни. Всё в большей мере германская экономическая политика ориентируется сегодня на институциональные и эволюционные теории экономического роста.

Элементы эволюционного, системного, комплексного и прагматического подхода, идея упорядочения общественной жизни (Ordnungspolitik), создание хозяйственного, политического, правового и социального «порядков», необходимость их взаимосвязанного формирования, ориентация на поддержание человеческого капитала, развитие гражданского общества, заложенные в этой концепции, оказались действительно востребованными и сегодняшним развитием. Именно эти принципы (главное – конкурентный, эффективный рынок, предоставляющий «шансы для всех») остаются и сегодня базовыми в ходе осуществляемой модернизации германской экономики.

Франция. Для французской модели характерны большой удельный вес государства в экономике, разнообразие форм сращивания в ней государственных и частных структур, наличие развитого механизма смешанной экономики, отказ от традиционного присущего Франции протекционизма с ориентацией на усиление международной экспансии, в частности, на европейскую интеграцию, а также высокая степень «социализации» французского хозяйства.

Во взаимоотношениях между государством и частным бизнесом усиливается роль последнего, помощь государства бизнесу приобретает более гибкие формы, что повышает его эффективность. Сокращается использование административных методов воздействия на экономику, в частности, государственного предпринимательства, что было особенно характерно для Франции в первые несколько десятилетий после Второй мировой войны.

Италия. Запоздалая индустриализация страны в условиях жёсткой конкуренции со стороны мировых лидеров хозяй-

ственного развития обусловила активную поддержку государства итальянской экономики. Наибольший удельный вес государственный сектор стал занимать в итальянской экономике к началу 1990-х гг., когда на государственные предприятия приходилось около трети промышленного производства, а доля банковского сектора, прямо или косвенно находящегося под контролем государства, достигала 80%. Главными инструментами воздействия государства служат в основном налоговая и внешнеторговая политика, инвестиции в производственную и общественную инфраструктуру, а также субсидирование создания крупных предприятий тяжёлой промышленности.

Такая поддержка, однако, не позволила ликвидировать традиционное отставание Юга от Севера Италии. Эта территориальная диспропорция до сих пор оказывает негативное воздействие на развитие итальянской экономики в целом, являясь существенным фактором дефицита госбюджета, инфляции и избыточных расходов на поддержку национальных компаний. К другим негативным особенностям итальянской модели относят также существенный удельный вес теневой экономики, преимущественную специализацию на производстве потребительских товаров, сравнительно низкий уровень расходов на НИОКР.

В целом для Итальянской модели (как частного случая южноевропейской) присущи преобладание «семейного» типа собственности, активное участие государства в производственном процессе, экспортная специализация на отраслях среднего технологического уровня.

Начало перехода Италии на инновационную модель развития с конца 1980-х гг. ознаменовалось усилением либеральных принципов в проведении экономической политики, выразившимся, в частности, в проведении масштабной приватизации, жёсткой бюджетной экономии, сокращении государственного долга, реформы налоговой системы, социального обеспечения. Заметно активизировалось участие страны в процессах европейской экономической интеграции, прежде всего в рамках ЕС.

Испания. Эволюция испанской социально-экономической модели характеризуется глубокими структурными преобразованиями во всех сферах национальной жизни. Осуществляемые на

базе широкого национального согласия, при поддержке разных социальных слоёв общества, они позитивно влияют на европеизацию страны, придавая высокий динамизм её экономического и социального развития.

В последние десятилетия произошла масштабная модернизация экономики и социальной сферы страны. За сравнительно короткий срок удалось преодолеть тяжёлое социальное наследие франкизма, сократить имевшееся существенное отставание страны в социально-экономическом развитии от ведущих европейских стран. Сегодняшняя Испания – это вполне современное государство социального благосостояния, а её социально-экономическая модель приобрела черты западноевропейской модели с акцентом на преимущественно социал-демократическую этику и культуру.

С самого начала демократических преобразований испанское правительство, представленное в различные периоды центристами, консерваторами, социалистами решительно отказалось от целого ряда неолиберальных установок и политики жёсткого монетаризма. В соответствии с историческими традициями был избран эволюционный, поэтапный социально-ориентированный путь преобразований, опирающийся на кейнсианские положения, предусматривающие сохранения за государством важной роли в хозяйственном развитии.

Скандинавская модель. Эту модель можно охарактеризовать как развитую рыночную экономику со зрелой социальной инфраструктурой. Основной её особенностью является чрезвычайно высокая степень социализации хозяйства. Государство в такой системе особо важное внимание уделяет вопросам перераспределения доходов через налоговую систему, получаемых в частном секторе. Оно также осуществляет весьма строгий контроль за деятельностью частного бизнеса, следит за соблюдением законов, принятых с учётом интересов всех членов общества. Наиболее ярким воплощением этой модели среди стран Севера Европы считают, прежде всего, Швецию.

Государственный бюджет служит финансовой основой Скандинавской модели и предполагает достаточно высокий уровень расходов, для финансирования которых установлен существен-

ный уровень налогов, который взимается не столько с корпоративного сектора, сколько с высоко обеспеченных физических лиц. Так, максимальный корпоративный налог установлен в размере порядка 30%, а предельная ставка подоходного налога приближается к 60%. В частности, в Швеции, Норвегии и Дании налоги составляют 51-63% ВВП, а доля государственных расходов на социальные цели в ВВП в этих странах превышает 40%.

Великобритания. Социально-экономическая модель этой страны тяготеет к англосаксонской системе. Это проявляется, в частности, в более либеральной организационной структуре частного бизнеса и методах корпоративного управления, в большей ориентации на биржевые источники и механизмы финансирования. В то же время сектор социального обеспечения остаётся в большей степени ориентированным на континентальную, а не на англосаксонскую модель.

В руководстве как британских, так и американских компаний решающая роль отводится менеджерам. Участвуя в совете директоров компании, они выполняют текущие функции управления. Внешние же члены совета – профессиональные консультанты. Это способствует отделению собственников от процесса контроля за финансово-производственной деятельностью. Роль совета директоров в Великобритании оказывается намного выше, чем в большинстве континентальных компаний, где исполняющим органом является дирекция или правление, а функции мониторинга осуществляет наблюдательный совет.

Для английской модели характерна большая ориентация на фондовый рынок по сравнению с континентальной практикой, где основным источником финансирования, особенно в Германии, рассматривают кредиты банков и других финансовых учреждений.

Эволюцию европейской модели социально-экономического развития в целом и страновых её вариантов, в частности, следует рассматривать в контексте её адаптации к требованиям формирующейся новой парадигмы экономического развития, новой экономики, основанной на знании, или инновационной экономики. Общими чертами этой модели во всё большей мере становится нацеленность на поддержку формирования и распрост-

ранения инновационного кластера, представленного нано, био- и информационными технологиями, на государственное регулирование макроэкономических пропорций и корректировку рыночных механизмов, региональную интеграцию и процессы глобализации мирового хозяйства, а также на усиление либерализации экономических отношений при параллельном проведении глубоких социальных реформ.

Новым в этой эволюции становится усиливающееся внимание со стороны государства и частного бизнеса к формированию общеевропейской и национальных инновационных систем. Особенно её главных компонентов, так называемых узловых сочленений, представленных, в частности, сферой НИОКР, коммерциализации результатов научных исследований, образования и подготовки кадров и другими областями, содействующими формированию человеческого капитала (здравоохранение и социальная защита в целом). Эти направления поддержки требуют учёта при формировании перспективных моделей, сочетания как факторов либерализации экономики, так и необходимости расширения участия государства в формировании необходимой институциональной инфраструктуры, в корректировке механизмов регулирования рыночных отношений. Необходимость в таких преобразованиях (например, в создании необходимых условий для накопления человеческого капитала) уже настоятельно требует, например, развитие инновационных кластеров и различных центров коммерциализации новейших достижений науки и техники а также модернизация общеевропейского и европейских национальных финансовых рынков.

Социализация экономики, вопросы накопления человеческого капитала, сглаживание разящего социального неравенства относятся к одним из приоритетных ориентиров ожидаемой эволюции социально-экономических систем. Без этого окажется невозможной поддержка и распространение новой, нелинейной формы научно-технического прогресса – основы формирования инновационной экономики. Достижение этих целей окажется невозможным без повышенного внимания к государственному регулированию макроэкономических пропорций и корректировке рыночных механизмов.

Формирование нового инновационного технико-экономического уклада сопряжено с существенной, если не первостепенной по значению, активизацией интернационализации мирового хозяйства. Поэтому вопросы рационального вхождения в процессы интеграции и глобализации мировой экономики – это весьма значимые приоритеты в ходе адаптации европейских социально-экономических моделей к требованиям инновационного развития.

В перспективе можно ожидать, что европейская модель социально-экономического развития будет развиваться в направлении конвергенции моделей европейских стран по отмеченным выше направлениям, постепенно превращаясь в инновационную модель. Неадекватные составляющие будут ослабевать и вымываться из таких систем, а элементы, востребованные инновационным развитием, напротив, усилятся. Именно по такому пути пойдёт формирование общей модели социально-экономического развития, прежде всего в рамках Европейского союза, а затем и в границах всей Европы, при усилении тенденции к перераспределению функций от органов национального к наднациональным европейским органам регулирования.

*А.И. Липкин**

О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЕ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

В «незападных» обществах социальная защита со стороны государства существует в более древних патерналистских формах, где государство, как правило, персонифицировано в лице его правителя, выступает в роли отца патриархальной семьи, берущего на себя всю власть (вплоть до распоряжения жизнью членов семьи) и ответственность за относительное благосостояние общества-семьи, но не отдельных его членов. В таком обществе у индивидов не существует прав и свобод, о которых говорилось выше. Россия по высокой культуре с XVIII в. принад-

* Липкин Аркадий Исаакович, д. филос. н., профессор РГГУ.

лежит «Западу», а по институтам (века с XV) – скорее к «Востоку». В России, вплоть до сего дня, превалировали патерналистские, а не социал-демократические представления о социальной справедливости. Здесь в качестве альтернативы патернализму нередко выступал либерализм, который в этой системе принципиально слабее патернализма, а социал-демократы, как и на Западе, являются зачастую оппонентами либералов. Основную часть населения составляют патерналистски настроенные массы, большая часть которых пока ориентируется на государственную власть, а протестная часть аккумулируется вокруг коммунистов и националистов. Как показывает история (наша или история современного арабского мира), соотношение сил между властью и протестным движением может резко измениться, что приводит не к революции (т.е. изменению структуры власти и типа институтов), а к бунту, часто «бессмысленному и беспощадному». Переход от патерналистской к социал-демократической трактовке социальной справедливости – сложный социокультурный процесс, актуальный для «незападных» по системе институтов обществ. Он предполагает установление основных атрибутов демократии: правового сознания и независимой судебной системы, выборности власти, той или иной формы частной собственности и рыночной экономики.

За этим стоит серьёзный вызов (в смысле А. Тойнби) для Европы, отражённый в недавно сделанных заявлениях ряда лидеров ведущих европейских стран о том, что «политика мультикультурализма провалилась».

Чтобы понять, в чём заключается этот вызов, нужен адекватный понятийный аппарат, который позволил бы различить некоторые вещи. К главным среди них отношу различия между *коллективизмом* и *коммунитаризмом*, между *цивилизациями* и *нациями*, между мультикультурностью в Европе 1970–1980-х и 1990–2000-х.

* * *

Рост благосостояния, личных и общественных ресурсов, досуга, с одной стороны, и ослабление *актуальной эмоциональной значимости нации* из-за исчезновения опасности межгосударственных войн и конфликтов в Европе, и того, что успешность

спустилась на индивидуальный уровень, – с другой, создают в развитых странах Запада благоприятную почву для роста культурного разнообразия в обществе. «Производство культурных различий в наших обществах растёт, – отмечает известный европейский социолог М. Вивьерка. – Мы находимся в новой эре фундаментальных процессов фрагментации, деструкции и перестройки идентичностей... Парадокс производства различий в том, что этот феномен, по определению коллективный, сегодня всё больше основывается на современном индивидуализме – и чем дальше, тем сильнее вероятность роста различий». Так, мы начали замечать возникновение, или возрождение, этнических или региональных движений, которые иногда претендуют на название «национальных».

Согласно мнению социологов, здесь можно выделить следующие группы: а) национальные меньшинства; б) иммигрантские группы; в) изоляционистские этноконфессиональные группы; г) мигранты, которым не дают возможности стать гражданами; д) афроамериканцы, а также – феминистки, геи, инвалиды.

Принципиально важно, что все эти группы не противопоставляют себя системе либерально-демократических ценностей, а вписаны в неё. Спор либералов и коммунитаристов происходит внутри этой системы ценностей достаточно индивидуализированного общества. Это демонстрируют дискуссии между «либералами» и «коммунитаристами» в англосаксонском мире и между «республиканцами» и «демократами» во Франции. Во Франции первыми руководил Р. Дебре, отстаивавший идею, что в общественной сфере могут находиться только индивиды, свободные и равные в правах. Это равносильно исключению культурных идентичностей как таковых из любого способа выражения в общественной сфере. Те, кого Р. Дебре относил к «демократам», добивались, напротив, политического ответа на требования признать культурные меньшинства. Французские «демократы» занимали позицию, близкую к англосаксонским «коммунитаристам».

В этом споре У. Кимлика выделяет три этапа. Первый этап – «мультикультурализм как коммунитаризм» (1970-е – 1980-е гг.), когда идёт борьба за права меньшинств на базе коммунита-

ризма. Но в 1990-х гг. всё больше осознаётся, что «это дебаты между индивидами и группами, *признающими основы либерально-демократического консенсуса*, но расходящихся по поводу интерпретации этих принципов в полиэтнических общностях, в частности, по поводу должной роли языка, национальности и этнических идентичностей... На втором этапе дискуссий «вопрос становится таким: каков возможный масштаб мультикультурализма в *рамках либеральной теории?* ... Нуждаются ли меньшинства, разделяющие базовые либеральные принципы, в правах меньшинств?». Третий этап мультикультурализма является ответом на новый этап *нации-строительства*, где вводится в рассмотрение ещё один аспект. В исходной либеральной концепции либеральное государство «придерживается принципа “нарочитого невнимания” к этнокультурному разнообразию... С этой точки зрения либеральные государства обращаются с культурой таким же образом, как и с религией... В области религии либералы верят не просто в идею государственной нейтральности, но в более сильную идею *благожелательного пренебрежения*. Должно быть строгое отделение церкви от государства... Многие люди исходят из того, что такая же модель должна применяться к этнокультурному разнообразию». Вопрос теперь более не в том, как обосновать отступление от нормы на-рочитого невнимания, но в том, *создают ли усилия большинства по нациестроительству несправедливости для меньшинств?*

В политическом плане на эти вопросы были предложены три ответа. Первый – это *политика ассимиляции*. Она требует, чтобы культурные особенности исчезли в «плавильном котле» нации и, как следствие, в доминирующей идентичности общества. Второй ответ – *толерантность*. Различия приемлемы в личной жизни, но возможны и в общественной, поскольку не создают сложностей в сфере закона и порядка, не порождают насилия и конфликты. Наконец, третий ответ – *признание* и предложение культурных прав для меньшинств. При этом подразумевается, что они *не бросают вызов общим ценностям, правам, разуму*. Разница между признанием и толерантностью в том, что первое основано на правах. *Одно дело быть признан-*

ным и совсем другое – лишь терпимым.

Мультикультурализм в узком смысле относится к третьему ответу. Согласно М. Вевьерка, «это публичная политика, существенная часть институтов, правовых и государственных (или местных) действий по обеспечению культурным различиям (по крайней мере, некоторым из них) признания в общественной сфере». Эта политика включает принцип «политкорректности», который во многих случаях даёт позитивные результаты. Права меньшинств расширяются в ходе этой заботы. Все эти явления происходят в *индивидуализированном обществе внутри европейской цивилизации*, в обществе, разделяющем идеалы *прав и свобод личности и демократического и светского характера государства* в условиях ослабления межнациональных конфликтов и значимости национальных границ.

Цивилизации отличаются базовыми смыслами, ценностями, идеалами, составляющими то, что мы именуем «духовным ядром». Возникающие внутри цивилизации *нации* разделяют соответствующие смыслы, ценности, идеалы и отличаются в других аспектах – в первую очередь типами личности, типами отношений между собой и обществом, отраженных в их национальных литературах. Перечисленные идеалы определяют лицо европейской (западной) цивилизации. Внутри неё тоже возникают драматические конфликты (баски в Испании, ирландцы в Великобритании, квебекцы в Канаде), но это – конфликты ограниченные.

К началу XXI в. возникает новый тип мультикультурности в Европе, что приводит к принципиально другой ситуации и иного уровня проблемам, которые В.В. Попов назвал «вызовом» для Европы. Источником этих проблем стала массовая иммиграция из исламского мира, вызванная новой фазой процесса глобализации. Соседство с Турцией и арабским миром, колониальное прошлое (особенно во Франции) способствовали притоку оттуда иммигрантов на протяжении всего прошлого столетия. Но в «постновейшее» время, конца XX в. этот процесс принял новые масштабы и формы в силу невероятно возросшей глобальной информационной и транспортной доступности, с одной стороны, а с другой – социальными завоеваниями в Европе, которые привели к стремлению предпринимателей использовать более

дешёвую и послушную рабочую силу из неевропейских стран.

К этому следует ещё добавить демографический «перегрев» в слаборазвитых странах и старение в развитых. По сути, речь идёт о процессе «глобальной урбанизации», где развитые страны играют роль города, а слаборазвитые – деревни.

В результате указанного переселения, внутри западных обществ, особенно в мегаполисах, образовались компактные скопления бедных иноцивилизационных (по происхождению) масс, с повышенным репродуктивным потенциалом, которые *во вто-ром-третьем поколении* порождают в современной Европе ост-рые проблемы. Если иммигранты первой волны, приехав из бед-ных стран, сравнивали своё положение с положением в странах, откуда они прибыли, то их дети и внуки сравнивают своё поло-жение с положением окружающего населения развитых стран. В результате возникла *взрывоопасная масса экономически и со-циально обделённой молодёжи*, которая может себя идентифицировать через *иноцивилизационную религию* и культуру страны своих предков и имеет склонность к образованию *коллективистских* сообществ, т.е. возникают *сообщества, не придерживающиеся либерально-демократического консенсуса*.

Главные причины несовместимости этих общностей с культурой и институтами Запада состоят в их коллективизме (который следует отличать от коммунитаризма) и иноцивилизационности. Одной из существенных черт последней является неотделённость религии от права (шариат), публичность и доминанта религии во всех сферах жизни, что противоречит светским принципам публичной сферы западного государства. Цивилизации (как и религии) отличаются своими базовыми смыслами и ценностями. Глубина противоречий между религиозными исламскими и светскими европейскими смыслами и ценностями того же уровня, что и межрелигиозные противоречия в Европе эпохи Реформации, приведшие к кровопролитным религиозным войнам. При этом ни развитый Запад не может прекратить поток иммигрантов, ни исламский мир изолировать себя от вредного, с его точки зрения, культурного влияния Запада. Старые средства изоляции здесь не работают из-за наличия современных СМИ,

транспортной доступности, демократических законов. Иноцивилизационность усугубляет эту ситуацию и делает её нелокализуемой в границах государств, глобальной.

Так выглядит предсказанное Хантингтоном *«столкновение цивилизаций»*, но с другим механизмом – через образование иноцивилизационных коллективистских анклавов внутри Запада. Причём, как и предполагал Хантингтон, столкновение произошло с исламской цивилизационной общностью. Это «столкновение» с разных позиций видится по-разному и имеет социальный, культурный и экономический срезы.

Со стороны исламской (по происхождению) молодёжи, живущей на Западе, имеет место сложное переплетение социальных, экономических и культурных факторов, в силу которых они чувствуют себя *экономически и социально обделёнными*.

Со стороны европейской общественности имеют место две основных противоположных реакции на это. Либералы, проповедующие толерантность и политкорректность, смотрят на эту новую «мультикультурность», игнорируя её агрессивность, коллективистскую антилиберальность и претензии на то, чтобы стать большинством. А для «новых левых» иммигранты из Третьего мира воспринимаются чуть ли не как авангард борьбы с буржуазией за светлые идеалы свободы и справедливости.

Правые консерваторы, наоборот, видят в них угрозу западным идеалам, к чему добавляется тема нахлебничества, ибо выступая против базовых западных ценностей, эти иммигранты пользуются благами социального государства (в виде пособий, льгот и т.п.), позволяющим многим из них не работать, не учиться, а лишь требовать в рамках ненавистного фундаменталистам «потребительского общества» благ этого общества. Это приводит к образованию обратной связи, ведущей к усугублению ситуации. Настроения правых ведут к «новому расизму», увеличивающему *экономическую и социальную обделённость* исламской (по происхождению) молодёжи, что подпитывает её консолидированность и агрессивность. Это в свою очередь приводит к усилению и росту правоконсервативных и неорасистских настроений в обществе, ведущих к росту ксенофобии, «дифференцирующего расизма» и влияния ультраправых партий. Т.е. возни-

кает порочный круг: экстремизм меньшинств способствует росту расизма со стороны большинства, приводящий к росту экстремизма меньшинств, и этот круг очень сложно разорвать.

Принципиальная разница между этим и предыдущими этапами мультикультурности состоит в том, что раньше меньшинства не претендовали ни на то, чтобы стать большинством, ни на то, чтобы диктовать другим свои порядки. В силу существенной разницы в демографической ситуации в анклавах и окружающем их обществе есть угроза эффекта Косово в европейском масштабе со стороны нового типа быстрорастущего и, часто, агрессивного меньшинства.

Не совсем адекватное осознание того, что здесь что-то не так, вылилось в недавней серии признаний, что «мультикультурализм» провалился. «Этот мультикультуралистский подход, согласно которому мы просто живём бок о бок, и все довольны, полностью провалился», – заявила канцлер Германии Меркель. Приблизительно то же констатируют последнее время и главы ряда других европейских государств. Но в этих высказываниях все формы мультикультурных проблем смешаны.

Здесь, на наш взгляд, несколько путей решения указанных проблем.

Во-первых, реализация социальных программ, направленных на помощь в «вытаскивании» молодёжи в более высокие и престижные социальные места с помощью создания различных преференций (похожих на то, что в США делают по отношению к афро-американцам). Это осуществляется через различные государственные программы. Но в условиях кризиса и роста безработицы это делать трудно по экономическим причинам. Кроме того, это эффективно лишь в случае заинтересованности со стороны включённых в программу лиц, многие из которых настроены паразитически.

Второй путь – развитие «европейского ислама», т.е. версии ислама, совместимой с светским, правовым демократическим западным обществом, что, в силу наличия шариата, требует по сути его реформирования.

Третий путь – конкуренция с фундаменталистами на поле культуры, восстановление духовной «вертикали» в западном

обществе, которая потеряна в «обществе потребления», т.е. решения той проблемы, о которой давно твердят многие философы и гуманисты, проблемы, которая питает антибуржуазные настроения «новых левых». Этот трудный путь усугубляют обратные связи ценностей «потребительского общества» с экономикой, которая из «производительной» стала «потребительной» (т.е. если сдуть «пузырь» потребления через изменение системы ценностей, то может рухнуть социально-экономическая сфера).

Таким образом, глобализация не ведёт к исчезновению цивилизационного многообразия в «единой культуре». Она не противоречит многообразию культур, взаимное обогащение которых происходит в ходе их взаимодействия за счёт заимствования.

Нельзя недооценивать и возможности образования ещё одного культурного слоя – глобального (наиболее яркий пример – Интернет).

Тезис о многообразии как ресурсе безусловно верен для толерантных к окружению локальных идентичностей, для принадлежащих им индивидов, которые вписаны в ценности и институты базового общества. Но когда это не так, как в случае коллективистских и иномодернизационных настроений, которые сейчас связаны с миром ислама, возникают описанные выше проблемы. Они могут усугубляться, в том числе и из-за отсутствия их широкого, адекватного международного теоретического и публичного обсуждения.

*А.А. Масленников**

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ КРИЗИСА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Обычно говорят: системный кризис. Слово скорее эвфемизм, попытка уйти от конкретного анализа – что мы имеем в виду под словом система. Капитализм? Значит, под вопросом будущее капитализма или всего лишь сегодняшний день капитализма? Ответ не может быть однозначным, не может быть простым.

* Масленников Аркадий Африканович, к.э.н., зав. Отделом экономических и социально-политических проблем ИЕ РАН.

Очевидно, это кризис той модели капитализма, которая сейчас утвердилась в мире, модели во главе с транснациональными корпорациями и присущими им милитаристскими концепциями, которые обслуживают интересы этого слоя теперь уже в глобальных масштабах.

Не случайно именно это является предметом обсуждения, споров, стычек на встречах «двадцатки» и на всяких других форумах. По сути, речь идёт о том, как устранить эксцессы монетаристского неolibерального капитализма. Дальше пока никто предпочитает не заглядывать. Кроме, возможно, тех, кто маршируют по Нью-Йорку под лозунгами «Захватим Уолл-стрит». Эти настроения перекинулись и в Европу. Имеется в виду не только Греция, где «несчастные» пенсионеры, получающие по 2 тыс. евро в месяц, бурно протестовали против «нищенской» жизни. Такие же выступления были в Испании и Франции. Их участники ставят вопрос шире и глубже.

Если мы действительно хотим по-настоящему разобраться, что же происходит в современном мире, нам нужно вернуться к характеру кризиса. И очень внимательно проанализировать лозунги и требования, масштабы этого нового социального движения, которое стало глобальным. Не стоит недооценивать различного рода социальные протесты в самой России. Если мы вспомним историю нашей страны, то увидим, что всё начиналось, казалось бы, с пустяков. После 1905 г. и до февраля 1917 г. серьёзных социальных движений протестного характера не было и это порождало самоуспокоенность верхов. Нечто подобное наблюдалось и в канун крушения советской власти. В те годы я работал в Кремле и хорошо помню настроение такого благодушия. Кстати, сегодня, как и тогда, руководство испытывает слабость к комплиментам, полно уверенности, что всё находится под контролем. На самом же деле социальная напряжённость в стране растёт. И это крайне опасно.

В любых кризисах всегда страдают слабые звенья. В масштабах глобальном это Россия, которая, конечно же, пережила кризис с большими потерями. Его легче пережили те страны, в экономике и социальной сфере которых поддерживается баланс. В Европе это, прежде всего, Германия и Швеция, т.е. страны с

глубокими традициями социальной защиты; там политический строй врос в народную толщу, а экономика стоит на собственных ногах. С другой стороны, такие страны, как Греция, Португалия, Ирландия, жили прежде всего за счёт притока иностранного капитала, в том числе спекулятивного. Когда от отхлынул, начались системные проблемы.

Тема кризиса и её анализ – дело трудоёмкое и долговременное. Перейду к альтернативам. Что же может быть альтернативой? Крушение капитализма как системы? Пока эта перспектива не просматривается, и, видимо, этого не произойдёт. Наиболее вероятно, что возобладает тот или иной тип смешанной экономики. И давайте к этому относиться серьёзно, без эмоций.

Я шесть лет работал в Индии. Хорошо знаю структуру индийского общества. Это общество смешанной экономики. Сейчас все сведуши, что такое Китай. Если присмотреться повнимательнее, станет очевидно, что это глубоко социальные государства. Иными словами будущее человечества и экономик самых разных стран, в разных вариантах, лежит в русле развития смешанных экономик и социального государства. При этом здесь нет и не может быть шаблонов. Навязывать чужой опыт неприемлемо. То, что делают шведы, вряд ли возможно в Португалии или в Ирландии. За этим стоит история, психология, этнопсихологический код.

Категорически не согласен с тем, как сейчас научно и политически пытаются дискредитировать Китай. При всех трудностях пекинские руководители ищут и находят решение встающих перед ними проблем (индийцы делают то же самое). Сегодня в Китае уже 300 млн среднего класса. И рецепт всё тот же – разумное сочетание госрегулирования с рыночной экономикой при должном внимании к социальной сфере.

Какие партии будут проводить такую политику, как они будут называться покажет история и конкретный политический опыт различных стран. Я лично не списывал бы со счетов социал-демократов. Убеждён, что идеи социал-демократии глубоко жизненны. Они выстраданы. Всё началось ещё тогда, когда раскалывался Первый Интернационал. Вспомните, сколько критики звучало в адрес Адлера и Бернштейна, а затем и Плеханова.

На самом деле эти политики уловили тогда, что всякого рода экстремистские концепции не имеют перспективы. К сожалению, применительно к России это было неизбежно. Пагубная политика царей привела к тому, что сначала Февраль, потом Октябрь 1917 г. начали сменять друг друга с неимоверной исторической быстротой. Глобальные исторические закономерности оказались иными.

Наконец, считаю неправильным думать, что мир вступил в посткризисный период. Некоторое оживление, конечно, налицо. Но оно не везде и совсем не такое, которое обычно возникало после кризисов. Мир, возможно, вползает в новый кризис или в длительную рецессию. А это ставит под вопрос многие постулаты науки, политики, глобальных процессов.

*А.Д. Хайтун**

РОССИЯ НА ПОСТКРИЗИСНОМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ РЫНКЕ

Кризис многое изменил в расстановке игроков и правилах игры в европейской энергетике. За последние годы был в основных чертах создан мировой рынок газа, включающий североамериканский и европейские сектора и танкерные связи между ними.

Тем не менее, требуется определиться: возможен ли, в принципе, в классическом понимании термина европейский рынок энергоносителей – т.е. такой рынок, цена на котором определяется соотношением «спрос-предложение», открытый для поставщиков, конкурентный для различных компаний, независимо от их национальной принадлежности? И каково сейчас и впредь место России на этом крупнейшем, занимающем второе место в мире энергетическом рынке?

В настоящее время базовая цена барреля нефти определяется по картельному соглашению стран ОПЕК и существует мнение, что такой порядок сохранится минимум до 2020 г. Причи-

* Хайтун Алексей Давыдович, д.э.н., профессор, рук. Центра энергетических исследований ИЕ РАН.

на тому чисто политическая: страны-потребители нефти согласны договариваться с производителями. Ни те, ни другие ни хотят рисковать своим макроэкономическим благополучием. Бизнес продолжает учитывать высокие цены на нефть и газ в своих инвестиционных проектах (хотя посткризисная экономика большинства стран Европы сокращается).

В политическом аспекте экспорт природного газа и нефти (в меньшей степени) – относится к важным инструментам, позволяющим России полноценно участвовать в определении стратегии развития современной Европы. Наша страна получает все выгоды от континентальной системы коллективной нефтяной безопасности. Но в балансировке сил и регулировании цен у неё право лишь совещательного голоса. Это означает, что получение крупных долгосрочных инвестиционных кредитов на создание новых центров добычи сомнительно, а нефтяные и даже газовые ресурсы России вряд ли смогут полноправно участвовать в формировании европейской цены. И это понижает устойчивость отечественного регулирования экономики.

Итак, в целях перспективного планирования требуется определить: что может предъявить Россия на европейский рынок энергоносителей? Сегодня перспектива развития нефтяной отрасли России базируется в основном на освоенных районах Западной Сибири, где доля трудноизвлекаемых запасов составляет до 60%. Возобновление энергоресурсов в нашей стране в XXI в. может происходить только за счёт освоения минерально-сырьевых ресурсов Восточной Сибири, Дальнего Востока, шельфов арктических морей. Это очень дорогостоящие проекты, требующие не одного десятка миллиардов долларов, а перспективные ресурсы размещены в ещё большем удалении от европейских центров потребления.

Сейчас стало очевидным, что Россия диктовать свою волю на европейском рынке энергоресурсов не может. Хотя бы потому, что на её долю приходится до 13% мировых запасов нефти и газа, тогда как на страны Аравийского полуострова – до 40%. Сравнительные условия добычи и стоимость транспорта нефти на рынки Европы из Саудовской Аравии и из Тюмени также не в нашу пользу. По газу – эффективность транспортировки отно-

нительно высока: в советский период была создана система магистральных газопроводов «Западная Сибирь – Европа». Но и здесь необходимо закладывать резерв для восстановления магистральных газопроводов за пределами уже близкого срока окончания их безаварийной эксплуатации.

Возможности экспорта угля из России на рынок Европы ограничены по следующим соображениям. Основные месторождения российского каменного угля расположены в Сибири. Массовые поставки в Западную Европу возможны только морским транспортом через Ледовитый океан, то есть с большими инвестициями на создание внесезонных судов ледового класса и повышенными (минимум в три раза по сравнению с «тёплыми» морями) затратами на их эксплуатацию. Те же ограничения имеет и транспорт нефти и газа из перспективных месторождений арктических шельфов, но здесь удельная цена единицы энергоносителя многократно выше. Относительно близки к Европе угольные месторождения Кемеровской области, но уголь здесь глубокого залегания, а плечи доставки по железной дороге в Европу заведомо неэффективны.

Конкурентность экспорта российских электроэнергетических ресурсов на Запад невысока: для ТЭС, работающих на нефти и газе, транспортные потери аналогичны или выше транспортных потерь при передаче непосредственно первичного ресурса. Разумеется, это не исключает экспорт избыточных мощностей ТЭС, особенно при «ножницах» внутренних и экспортных цен, но тенденции данный факт не отменяет.

«Партнёрство с Газпромом вносит существенный вклад в надёжность газоснабжения Германии и Европы», – подчеркнула не так давно А. Меркель. Вместе с тем такое положение на перспективу не абсолютно. Пока рынок Европы открыт для экспорта российского природного и сжиженного газа, но традиционное монопольное положение Газпрома не может сохраняться сколь угодно долго. Главная «новинка» последних лет: сформировался мировой, а первоначально – европейский рынок сжиженного природного газа (СПГ).

По мере развития мировой индустрии СПГ мощности производства стали опережать спрос на традиционных рынках, и за-

родилась торговля СПГ по краткосрочным и разовым сделкам. Этот процесс сейчас активно нарастает и ограничивается только наличием приёмных терминалов и специализированным для СПГ танкерным флотом. Именно этот поток свободно бороздящих океан танкеров и формирует мировой рынок газа. В Европе он уже наличествует.

Несмотря на кризис, значение российских энергетических ресурсов для обеспечения энергетической безопасности Европейского союза пока не уменьшается. Вместе с тем, в последние годы Европа прилагает немало усилий, чтобы гарантировать стабильные объёмы нефти и обеспечить их диверсификацию. Это объясняется следующими причинами. Потоки нефти месторождений России пока заполняют около 30% рынка ЕС, однако этот источник постепенно истощается, а новые нефтедобывающие области всё более смещаются в другие регионы. От ЕС это далеко, и развитой транспортной инфраструктуры там нет, поэтому надеяться на полноценное и своевременное замещение западносибирской нефти российскими же объёмами не приходится.

Северное море, которое обеспечивало около 10% спроса европейских НПЗ, перестаёт быть надёжным источником сырья. Ныне на его месторождениях ожидается пик добычи, но далее очевидна тенденция к сокращению. В свете изложенной ситуации неудивительно, что в последние годы ЕС прилагает немало усилий, чтобы гарантировать себе стабильные объёмы нефти и обеспечить их диверсификацию. Здесь для него возрастает, в частности, значение Прикаспийского региона. Последний можно рассматривать как конкурента России на европейском рынке энергоресурсов.

*Л.С. Окунева**

В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Опыт современной социально-политической трансформа-

* Окунева Людмила С., д.и.н., профессор МГИМО(У) МИД РФ.

ции, процессы изменения глобальных экономических структур породили столкновение позиций и обострение дебатов по проблемам поиска путей реформирования общества и государства, о пределах и возможностях государственного регулирования экономики, о направленности социальных движений. Каково соотношение «экономического» и «социального» в ходе реформирования общественных структур, какова роль политических институтов в этих процессах, где грань в дилемме «национализация/приватизация», как максимально безболезненно для общества осуществить комбинацию рынка и социального регулирования? Есть ли альтернатива современной парадигме социально-экономической эволюции?

Особенно остро эти вопросы зазвучали в ходе разворачивания масштабного финансово-экономического кризиса стран еврозоны – кризиса, поставившего под вопрос сами устои и основы современной «общепринятой» экономической модели. В интеллектуальных и политических кругах идет напряжённый поиск новой модели, новых альтернатив развития в глобальном масштабе. Всё более явственно звучит основополагающая формула современного антиглобализма – «иной мир возможен». И хотя не всегда ясно просматриваются сущностные черты этого «нового мира», идеи альтернативности сливаются в мощный интеллектуальный поток, который пытается определить контуры, очертания новой цивилизации.

В Латинской Америке проблематика альтернативности общественного развития традиционно (начиная с начала XX в.) формулируется с особой остротой. Здесь так же, как и на других континентах, весьма злободневен вопрос о различных конфигурациях отношений государства и рынка. В Бразилии этатизм, подразумевающий ведущее место государства в экономике и его деятельность как «локомотива развития», сыграл крупную роль в 1930–1950-е гг., и эта роль воспроизводится ныне в облике «экономического национализма», или «нового десарольизма» (*neodesenvolvimentismo*). Существует и характерное для Бразилии противоречие между «национальным капиталом» и международным финансовым капиталом, особенно спекулятивным, вступающим в противоречие с взятым на вооружение правящи-

ми элитами национальным проектом, ориентированным на реализацию модели устойчивого развития.

Частью вопроса об альтернативности современного общественного развития являются и споры о современном левоцентризме. Каковы формы, в которых действуют партии и политические движения «левого центра», какова та экономическая и социальная конфигурация, которую они готовы предложить своим обществам в новых условиях? В связи с этим встаёт вопрос о современном облике социал-демократии.

Главным пунктом, который отличал социал-демократию 1990-х гг. и «нулевых» годов и по которому проходил водораздел между европейской социал-демократией и латиноамериканскими левыми, является, на наш взгляд, отсутствие (в тот период) у первых ясного видения альтернативы, ответов – как на мировоззренческом, так и на практическом уровне – на вызовы XXI в. (что, кстати, в числе других причин предопределило и провал левых на выборах в Европарламент в июне 2009 г.).

Во всех этих смыслах пример Латинской Америки того же периода – 1990–2000-х гг. – весьма показателен. Здесь и содержание, и сама направленность, и концептуальное наполнение программ сил левой ориентации по большей части получали серьёзную подпитку от тех сложившихся на континенте реалий, которые толкали по пути глубокой социальной модернизации. Латиноамериканские левые оказались сильны именно тем, что сумели сформулировать и предложить обществу реальную *альтернативу* неолиберализму, до крайности обострившему социальные проблемы латиноамериканских обществ. И эти общества (особенно в Бразилии) с огромными надеждами восприняли предлагавшуюся альтернативу, поверив новым лидерам и поддержав их на президентских выборах (речь идёт о периоде с конца 1990-х по середину «нулевых» годов.)

Представляется, что бразильский опыт модернизации и демократического обновления весьма поучителен. Обратимся непосредственно к содержанию и эволюции бразильской модели модернизации, сформировавшейся за четверть века демократического развития, после ухода с политической арены в 1985 г. военного режима, правившего до этого в стране 21 год.

Правление первого президента эпохи демократии Ж. Сарнея (1985–1990 гг.) знаменовало собой начальный этап демократизации. Главное достижение того периода – провозглашение прямых выборов на всех уровнях, включая президентские, разработка и принятие новой Конституции (1988 г.), провозглашавшей Бразилию правовым демократическим государством и гарантировавшей целый комплекс социальных и политических прав.

Действуя в обстановке острого социально-экономического кризиса, правительство Сарнея пыталось реализовать программы экономической модернизации. Прежде всего, предпринимались действия по обузданию инфляции: буквально каждый год, с 1986 по 1989 гг., принимались антиинфляционные программы, однако все эти мероприятия носили в основном «пожарный» характер и их кратковременный успех не обеспечивал длительной стабилизации финансовой ситуации и социальной ситуации.

Первый комплексный модернизационный проект пришёлся на период правления следующего президента – Ф. Коллора ди Мелу, который провозгласил стратегию всесторонней модернизации страны с целью её вхождения в «клуб развитых держав». Его политика стала первым практическим применением модели «правой модернизации». Общество, однако, отвергло шоковые методы экономической модернизации. Импичмент Коллора продемонстрировал стремление общества продолжить реформы принципиально иными методами: ведь неолиберализм в Бразилии не привёл ни к расцвету экономики, ни к должному укреплению государства, он означал и провал социальной политики. Это заставило интеллектуальное сообщество Бразилии обратиться к анализу всей совокупности проблем, трудностей, препятствий на пути модернизации, политического и социально-экономического реформирования поставторитарного общества.

Следующий этап эволюции бразильской модели модернизации связан с именем И. Франку. Именно в период его президентства (октябрь 1992–1994 гг.), знаменовавшего собой тенденцию к полевению политического режима, совершается поворот в сторону смягчения отрицательных эффектов «шоковой терапии». Одновременно набирали силу концепции о гораздо большей сопригаемости с бразильскими реалиями социал-демократическо-

го варианта реформирования экономики и социальных отношений, ориентированного на создание социальной рыночной экономики. Социал-демократическая модель как предполагающая вовлечение трудящихся в политическую жизнь и в производство, стала рассматриваться многими как необходимая составляющая «демократический проект модернизации» в Бразилии.

Эта линия ещё отчётливее нашла своё воплощение в деятельности президента Ф.Э. Кардозу (1995–2002 гг.), лидера Партии бразильской социал-демократии, избрание которого в ходе президентской кампании 1994 г. явилось крупным рубежом как на пути экономической и социальной модернизации страны, так и – подчеркнём это особо – на пути утверждения демократии в Бразилии.

После долгих лет экономических неурядиц и нестабильности, разочарований и пессимизма бразильское общество самым фактом избрания своим лидером убеждённого сторонника модернизации и экономического развития с сильным социальным компонентом продемонстрировало умение осознать непригодность попыток решить наболевшие проблемы «одним ударом». Кардозу был поддержан не какими-то отдельными слоями, а, по сути, почти всем обществом.

Сильный социальный компонент, тезис о невозможности обновления демократической системы без крупных социальных реформ в обществе, без ослабления социальных диспропорций, понимание демократии в первую очередь как гарантий социальной защиты, обеспечения базовых потребностей человека, взаимозависимость демократии, развития и прав человека – все эти проблемы стали в начале 1990-х гг. жгучими темами бразильской политической науки и вышли на первый план в социальных исследованиях.

Социальная модернизация рассматривалась Ф.Э. Кардозу как неременная основа модернизации экономики. Ещё в январе 1990 г. он, будучи лидером сенатской фракции Партии бразильской социал-демократии, говорил автору этих строк: «Главная проблема Бразилии – социальное неравенство. Удастся нашим политикам уменьшить зияющую социальную пропасть, разрывающую страну на две части, приблизить наиболее обездо-

ленную (и наиболее многочисленную) часть населения к человеческим условиям существования – будет обеспечен мощный прорыв Бразилии в XXI в., не удастся – груз социальных проблем потащит нас назад».

Крупным направлением деятельности Кардозу на посту президента стала реализация пакета непосредственно социальных реформ. Собственно говоря, именно в этом и состояла его попытка совместить, «примирить» рыночный характер экономической стратегии и осуществление антиинфляционного «Плана Реал» с решением острых социальных проблем.

В целом за годы правления Кардозу в стране было осуществлено около 50 социальных программ. Помимо традиционных планов по развитию образования и здравоохранения, правительство ввело в практику программы пополнения доходов, предусматривавшие адресную поддержку наименее обеспеченных семей путём перевода средств федерального бюджета на решение конкретных социальных задач. Крупным социальным проектом, реализованным кабинетом Кардозу, стала программа «Солидарное содружество», позволившая в какой-то мере сократить нищету и улучшить ряд социальных показателей.

Вместе с тем правление Кардозу выявило серьёзные противоречия, и прежде всего – между уступками неолиберализму в экономике, с одной стороны, и задачами реализации социальных программ. На практике жизнь показала крайнюю сложность и проблематичность совместимости данных компонентов. На втором этапе деятельности Кардозу – в годы его второго мандата – влияние экономического либерализма стало заметно превалировать в его курсе перед социальным реформированием.

Но общество стремилось идти «дальше, дальше, дальше». Сама логика эволюции, нерешённость жгучих проблем – бедности, нищеты, маргинализации – и нараставшее давление мощной левой политической культуры, левых настроений, сильных левых движений подталкивали его к ещё более радикальному выбору. Отвергнув неолиберальный экономический курс администрации Кардозу, общество высказалось за иную, альтернативную стратегию развития. К власти демократическим путём пришло правительство левых во главе с лидером крупнейшей оппо-

зиционной левой Партии трудящихся Луисом Инасиу Лулой да Силвой (Лулой). В масштабах всего латиноамериканского континента подобная ситуация (вкуче с победой Лулы на следующих выборах – 2006 г. – и его вступлением во второй мандат своего президентства) явилась одной из важных вех «левого поворота».

Безоговорочная победа Лулы в 2002 г. – 61,3% голосов избирателей – породила (особенно в среде беднейших слоёв) необычайную эйфорию, да и в обществе в целом это было время больших надежд и ожиданий. Сразу же после своего вступления в должность Лула и его соратники сделали ряд достаточно радикальных заявлений о выраженной социальной ориентированности курса нового правительства.

Вместе с тем подчеркнём, что в данном случае речь шла *не о радикальном, а об умеренном варианте перемен*; на «шкале» современных латиноамериканских левых «Бразилия Лулы» заняла срединную позицию. Главным содержанием «левого поворота», в том числе, конечно же, и в Бразилии, стало обращение новых лидеров (отнюдь не отрицавших рыночную экономику) к «социальности», понимаемой как удовлетворение сугубо социальных требований. Приоритет социальных проблем, ликвидация нищеты, сужение сферы бедности – вот главные опорные пункты политики Лулы.

Так в «эпоху Лулы» (2003–2010 гг.) вновь встал глубинный и очень сложный вопрос о том, насколько совместимы в рамках одного курса экономический неолиберализм, с одной стороны, и значительная социальная составляющая – с другой. Речь шла о дилемме и одновременно о самом серьёзном вызове, с которым столкнулись современные латиноамериканские, в том числе бразильские левые, о феномене, который можно обозначить как «драма левых у власти»: объективная невозможность в условиях современной экономики отказаться от определённого набора механизмов и инструментов проведения хозяйственной политики, свойственных рыночной среде – и обязанность провести глубокие и ощутимые социальные реформы в интересах большинства общества, заменить формулу «рост без развития» на триаду «рост+развитие+благополучие населения».

Широкая программа социального реформирования, принятая администрацией Лулы, означала реальный поворот в социальном положении наиболее обездоленных слоёв общества: масштабы бедности и абсолютной нищеты были существенно сокращены. Характерно, что данные программы не были ориентированы на поддержку лишь беднейшего населения – социальная защита простиралась намного дальше и затронула и тех, кто находился выше черты бедности. Важным направлением деятельности правительства стали и программы по улучшению качества образования, в том числе высшего, и обеспечению доступа к нему для представителей слоёв с низким и средним уровнем дохода. Иными словами, речь шла отнюдь не только о том, чтобы улучшить положение бедноты путём оказания ей срочной и первоочередной помощи, но и о том, чтобы изменить к лучшему социальную ситуацию «лучше поставленных» социальных слоёв – квалифицированных рабочих, лиц, занятых в торговле и сфере обслуживания в городах – представителей так называемого «нижнего среднего класса», находящихся в неблагоприятных социальных условиях.

Результатом стал, по оценкам ведущих международных экспертов, значительный прогресс в деле продвижения Бразилии по пути социально-экономического реформирования. По окончании второго президентского срока «Бразилия Лулы» значительно укрепила своё лидирующее положение на латиноамериканском континенте.

На президентских выборах 2010 г. победила Дилма Руссефф, преемница Лулы, выступавшая на выборах как продолжатель его курса во внутренней и во внешней политике. В главном предвыборном лозунге Дилмы «Бразилия должна продолжать двигаться по пути перемен» были заложены и мысль о сохранении прежнего курса, и идея поступательного, постепенного развития, без резких поворотов и «разрывов»; ключевым стало слово «продолжать».

Именно поэтому главным содержанием политики Дилмы Руссефф – шестого президента эпохи демократии – и предложенной ею модернизационной модели стали преемственность, продолжение успешного социально-экономического курса. Вы-

сокие темпы экономического развития (ок. 5% в год, рост ВВП в 2010 г. – 7,5%), контролируемая инфляция, бурное развитие потребительского рынка, крупные успехи в деле социального реформирования привели к тому, что зримо уменьшилось социальное неравенство, от 32 до 45 млн бразильцев вышли из состояния крайней бедности и перешли на рубежи «нижней границы» среднего класса, который вместе со своими «старыми» и «новыми» слоями на данный момент составляет 52-55% населения. Именно это определило основное направление политической стратегии Д. Руссефф – активная социальная политика, улучшение системы здравоохранения, социального обеспечения, образования, совершенствование системы общественной безопасности, включающей в себя борьбу с организованной преступностью и наркотрафиком.

Главным содержанием политики Руссефф являются два стратегических направления – в экономической области сохранить высокие темпы роста при безусловном сдерживании поднимающей голову инфляции и ни в коем случае не утратить те выдающиеся достижения в деле социального реформирования, которые в эпоху Лулы вывели из состояния крайней бедности десятки миллионов обездолженных и создали т.н. «новый средний класс», более того – не поколебать веру бедняков в то, что эти преобразования будут продолжены. В начале июня 2011 г. была провозглашена программа «Бразилия без нищеты» (проводимая наряду с успешными программами: семейных пособий «Bolsa Família», энергетической «Luz Para Todos» – «Свет для всех» – и «Minha Casa, Minha Vida» – «Мой дом, моя жизнь»), согласно которой предстоит дать бой прежде всего сельской бедности, выведя из этого состояния более 16 млн человек, причём реализовывать данную программу предполагается при опоре на государство, которое, по словам президента, само должно «выйти навстречу беднякам, а не заставлять их бежать с протянутой рукой за государственными субсидиями».

Реализация модернизационных проектов Руссефф натолкивается на немалые трудности и препятствия. Так, вторая половина 2011 г. была ознаменована беспрецедентным в истории Бразилии наступлением на достигшую больших масштабов корруп-

цию, превратившуюся в угрозу самим основам управляемости. Борьба с коррупцией высветила необходимость серьёзной коррекции традиционной системы управления («коалиционный президентализм»).

Вместе с тем, если попытаться в самом общем виде определить главные черты бразильской модели модернизации сегодняшнего дня, то такими чертами будут: стабильность и последовательное социально-экономическое развитие; контролируемый рост, демократия и «социальная включённость» (т.е., включение всех слоёв населения в экономическую жизнь и гражданское общество). Эта модель закрепляет, продолжает и – на новом этапе – наращивает достигнутое; именно в силу этого она привлекает повышенное и заинтересованное внимание реформаторов других латиноамериканских стран.

Бразилия шаг за шагом продвигается по пути модернизации. Современный этап развития страны добавляет новые штрихи в её концептуальное осмысление. Теперь эти вопросы звучат в Бразилии по-другому: здесь сегодня под модернизацией понимают, прежде всего, устойчивое развитие, способное обеспечить функционирование информационного общества, и экологическое равновесие; при этом вопросы демократии и политической системы обсуждаются чаще всего – применительно к тому, в какой мере они способны обеспечить решение вышеупомянутых задач.

Понимание бразильскими лидерами модели устойчивого развития основывается на таком национальном проекте, который сочетает экономический рост с решением социальных проблем и защитой окружающей среды. Именно так формулируется категория «зелёной экономики»: последняя рассматривается в контексте устойчивого развития и искоренения бедности, повышения уровня доходов значительной части населения, т.е. в тесном сочетании с целями социальной политики. Бразилия демонстрирует и новый ракурс подхода к самой концепции экономического роста. Отсюда и формулирование идеи «инклюзивного экономического роста» как «контртезы» т.н. «социальной исключённости» – подлинного «бича» и характерной черты социальной панорамы Бразилии на протяжении всего XX в. В этом

смысле «инклюзивный рост» как составная часть современной бразильской модели модернизации предполагает, в трактовке бразильской политической элиты, такую направленность экономического роста, которая не просто обеспечивает собственно рост и его динамику, но и означает обязательное решение социальных и экологических проблем.

Подобный подход проецируется и на видение Бразилией тех же проблем в их глобальном измерении: международные институты должны обеспечивать такое управление многосторонними процессами в мировом масштабе, которое будет ориентировано на расширение их демократических основ, которые, в свою очередь, ждут на более полной интеграции социальной, экономической и экологической составляющих устойчивого развития.

Дистанцируясь от идеологии безудержной, ничем не ограниченной экономической либерализации, проводя традиционную (со времён президентства Ф.Э. Кардозу) линию несогласия с протекционистскими барьерами, воздвигаемыми экономиками «богатых стран», фиксируя неэффективность мер, предпринимаемых странами еврозоны для преодоления финансово-экономического кризиса, бразильские лидеры демонстрируют приверженность альтернативным решениям. Об этом, в частности, свидетельствовал отказ Д. Руссефф посетить Давосский экономический форум в январе 2012 г. в пользу Всемирного социального форума в Порту-Алегре (оплота альтерглобалистского движения).

Не подлежит сомнению, что в контексте «двойного перехода» Бразилия одновременно с задачами модернизационного рывка решает проблемы продвижения по пути расширения демократии. После начала «демократического транзита» с 1980-х гг. в стране последовала череда президентских и парламентских выборов, которые, проходя в обстановке напряжённой политической борьбы, столкновения альтернативных проектов будущего развития, были отмечены остро конкурентным характером. Старт демократизации принёс определенные положительные результаты в политическом измерении: восстановление многопартийности, системы демократических выборов, принятие демократической конституции, провозгласившей основополагаю-

щие политические права и свободы.

Опыт Бразилии подтвердил, что на этапе поставторитарного развития нерешенность социально-экономических проблем представляет собой серьезную угрозу демократическим завоеваниям, а углубление социального неравенства не только не приближает к «цивилизованности», но, напротив, может отдалить от неё. Не случайно модернизация в экономике квалифицируется влиятельными направлениями социальных наук Бразилии как такая стратегия развития, которая должна проводиться во взаимосвязи с социальным реформированием; только такое взаимопереплетение «экономического» и «социального» рассматривается как средство, способное укрепить демократию в Бразилии и вывести страну на новое место в трансформирующейся мировой экономике, в глобализирующемся мире в целом. По словам крупнейшего бразильского учёного и политика, бывшего президента Фернанду Энрике Кардозу, «для того чтобы быть стабильной, демократия должна быть эффективной в сокращении массовой бедности и социального неравенства».

По оценкам бразильских политологов, если 1980-е гг. стали в стране периодом поворота к демократизации, а 1990-е – временем стабилизации, то последнее десятилетие – 2000–2010 гг. – стало периодом сокращения социального неравенства. В этом смысле в «восьмилетие Лулы» впервые за долгие годы страна продвигается к устойчивому развитию, миллионы людей оказались вовлечены в общественные, экономические и политические процессы. Огромная часть населения получила доступ к образованию и здравоохранению.

Формула «дальше, дальше, дальше», пронизавшая собой период последних 25 лет бразильского политического цикла, продолжает действовать. Сегодня, в эпоху глобализации, она означает всё большее обращение и поворот к «социальности», включение её в программы современных политических лидеров, осознающих свою ответственность перед обществом. В Бразилии присутствует понимание того, что решение задач внутреннего развития, в первую очередь – построение современной «социальной экономики», усиливает позиции страны в международных отношениях, способствует превращению региональной дер-

жавы в одного их крупных лидеров многополярного мира.

*Д.В. Реут**

К АНАЛИЗУ ОСНОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОДЕЛИ

Сегодня можно утверждать, что выстроенный поколениями известных экономистов и реализуемый в передовых странах инструментарий капиталистической экономики, явившийся мощным инструментом европейского прогресса, в целом не обеспечивает сегодня выживания сообщества стран европейской культуры в долговременной перспективе. Это утверждение основывается не столько на биржевых сводках последних лет, сколько на материале демографической статистики. В одной из наших работ²⁶ уже была приведена сводная таблица коэффициента рождаемости по ведущим европейским странам, а также России, из недавно переведённого труда известного итальянского демографа Л. Баччи²⁷, соответствующая огромному числу источников статистических данных. Они свидетельствуют, что на протяжении последних лет и десятилетий развитые европейские страны и Россия сами по себе не обеспечивают коэффициента рождаемости, достаточного для простого воспроизводства населения.

Проведя соответствующие социокультурные исследования²⁸,

* Реут Дмитрий Васильевич, к.т.н., доцент, НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова.

²⁶ Реут Д.В. О динамике демографических процессов и европейской стратегии. От рисков нестабильности к устойчивому развитию. Часть II. Дилеммы мультикультурализма и национализма. Отв. ред. Т.Т. Тимофеев. Доклады Института Европы РАН, № 269. М., Русский сувенир, 2011. С. 24-29.

²⁷ Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. Спб., ALEXANDRIA, 2010. – 300 с.

²⁸ Реут Д.В. Прокреационная проблема субъектов истории. Проблемы субъектов в постнеклассической науке. Препринт под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. М., ИФ РАН, 2007; Реут Д.В. Код культурной идентичности как положение в социуме центра ответственности за исполнение прокреационной функции. Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы II Всеросс. научн. конф. (Москва, 15 ноября 2007 г.). М., Научный эксперт, 2008; Реут Д.В. Прокреационная состоятельность как не-

мы заключаем, что при сохранении существующей парадигмы социально-экономического развития в современных странах европейской культуры нет достаточных механизмов для успешного выхода этих стран из зоны депопуляции. Около 30 лет назад наступил новый этап мирового развития, состоящий в депопуляции стран европейского мира.

Чтобы реально вернуть тему воспроизводства населения в орбиту экономических наук, мы предлагаем творчески развить теорию человеческого капитала таким образом, чтобы включить в неё и злободневный вопрос депопуляции.

Как известно, в XVIII в. цель европейской экономики сместилась с устройства и развития страны как целостности на достижение финансовой эффективности отдельного предпринимателя. Смена цели привела к выпадению из поля зрения экономистов – а затем и управленцев – процесса воспроизводства коренного населения. Системная целостность европейского мира была утрачена. И одной из причин его прогрессирующей депопуляции стала принятая на всех этажах европейского социума явно однобокая парадигма развития и управления, основанная на узких экономических показателях.

Выход из угрожаемой ситуации состоит в восстановлении исходного смысла экономики, путём также реконструкции совокупности общеевропейских социокультурных институтов, конфигурацией которой может служить концепция прокреационного капитала.

Почему прокреация, протекавшая испокон века «сама собой», обернулась вдруг демографическим фиаско для европейского

обходимая черта цивилизации будущего. О необходимых чертах цивилизации будущего (научное издание по материалам Международного форума, посвящённого 90-летию со дня рождения академика Н.Н. Моисеева. Под ред. А.Т. Никитина, С.А. Степанова). М., Изд-во МНЭПУ, на CD; Реут Д.В. Прокреационно-демографический фундамент социального государства. Россия: путь к социальному государству. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). М., Научный эксперт, 2008; Реут Д.В. Прокреационное измерение геостратегии в контексте управления мировым развитием. IV международная конференция по проблемам управления (26-30 января 2009). Сборник трудов. М., 2009; Реут Д.В. Воспроизводство населения – междисциплинарная научная проблема. Экономическая наука современной России, 2011, № 4 и др.

мира новейшего времени? Потому что вследствие широкомащтабного социального эксперимента французских энциклопедистов (Ф. Кенэ являлся одним из его активных участников) было нарушено условие прокреационной состоятельности социума, которая обеспечивается, если центр прокреационной ответственности коллективного субъекта и социально-экономические средства, необходимые для исполнения прокреационной функции, в его структуре находятся на уровне семьи²⁹.

В странах традиционных прокреационных культур, т.е. культур, сохраняющих старые, до-просвещенческие традиции института прокреации (страны Азии – за исключением Японии, Африки, Латинской Америки), это требование выполняется: даже самые деспотические правители, как правило, не вмешивались в семейные дела подданных. В этом случае государство получает **прокреационную ренту**, состоящую в расширенном воспроизводстве населения без дополнительных забот с его стороны. Эта рента позволяет ему претендовать на статус субъекта истории – продолжать своё существование без ограничений во времени.

Разделение культур на новоевропейскую и прокреационно-традиционную осуществляется нами исключительно по признаку типа семейного уклада. Прокреационная деятельность коллективного субъекта – например, народа некоей страны – является функциональным аналогом обмена веществ индивидуума. Если в знаменитой «экономической таблице» Ф. Кенэ, отражавшей процессы производства и потребления национального продукта аграрного королевства (современной ему Франции), учитывалась доля этого продукта, направляемая на расширенное воспроизводство коренного населения как главного богатства страны, то в доктрине А. Смита, рассматривающей труд отдельного работника, вопрос воспроизводства рабочей силы не рассматривался.

Даже обращаясь к сельскому хозяйству, А. Смит видел в структуре цены товара фермера только зарплату, прибыль, ренту и, возможно, часть денежных средств «...для возмещения сна-

²⁹ Реут Д.В. Код культурной идентичности как положение в социуме ... Материалы II Всеросс. научн. конф., 2008. С. 419-428.

шивания его рабочего скота и других хозяйственных орудий»³⁰. «Снашивание» самого работника, в отличие от снашивания рабочего скота и хозяйственных орудий, оставалось без внимания исследователя. Во времена А. Смита новые рабочие руки всегда можно было купить на рынке труда на деньги, высвободившиеся при увольнении прежнего работника. Ведь промышленной революции сопутствовала массовая безработица: ручной труд в массовом порядке замещался более производительным машинным.

Конечно, никто не запрещал фермеру или рабочему тратить деньги на содержание семьи; но это было его сугубо частным делом. Забота об общественном благополучии уступила место заботе о благополучии индивидуальном. Экономика стала пониматься не в смысле искусства или ремесла наилучшего устройства страны, а в смысле искусства или ремесла получения максимальной прибыли, наибо́льшего приумножения капитала, находящегося в распоряжении частного лица. Вспомним предприимчивость и инициативность популярных героев английской литературы того времени – Робинзона Крузо или Полковника Джека³¹.

Итак, воспроизводство социума требует поддержания базового процесса хозяйственно-экономической деятельности – процесса прокреации. Тогда базовым инструментом новой экономики становится **прокреационный капитал**³². Это понятие яв-

³⁰ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., Эксмо, 2007. С. 46.

³¹ Дефо Д. Робинзон Крузо. История Полковника Джека. (Серия БВЛ). М., Художественная литература, 1974. – 536 с.

³² Подробнее об этом см.: Реут Д.В. Прокреационный капитал. [Электрон. ресурс]. Российский экономический конгресс. Сборник докладов участников. М., ИЭ РАН, 2009. 1 CD-ROM (имя файла 14ts.doc в директории Files). <http://econogus.org/consp/files/14ts.doc>; Реут Д.В. Базовая форма человеческого капитала. Управление инновациями-2009. Материалы международной научно-практической конференции 30 ноября – 2 декабря 2009 г. Под ред. Р.М. Нижегородцева. М., ЛЕНАРД, 2009. С. 373-378. Реут Д.В. Об особенностях воспроизводства человеческого капитала. Информационная экономика: институциональные проблемы. Материалы Девярых Друкеровских чтений. Под ред. Р.М. Нижегородцева. М., Доброе слово, 2009. С. 377-387. Реут Д.В. Прокреационный капитал как инструмент интегративной экономики. Управление инновациями – 2010. Материалы международной научно-практической кон-

ляется обобщением «человеческого капитала», широко обсуждаемого в экономике сегодняшнего дня.

Прокреационный капитал представляет собой интегральную характеристику коренного населения, обеспечивающую в перспективе всю производственную деятельность общества (в роли рабочей силы, предпринимательского начала и потребителей производимой продукции). Эта характеристика включает не только численность населения (его физических, интеллектуальных особенностей, компетенций и вкусовых предпочтений), но и качество прокреационной среды, обеспечивающее в идеале хотя бы прокреационный гомеостаз, т.е. простое воспроизводство коренного населения.

Результатов инвестиций в прокреацию чиновник, принимающий решение о таких инвестициях, не дожидается в силу краткости срока своей профессиональной деятельности. Прокреационный капитал имеет сверхдлинный срок обращения. Условным его владельцем может оказаться только достаточно крупный и долгоживущий коллективный субъект – субъект масштаба региона, страны, сообщества стран. Условность владения прокреационным капиталом выражается в том, что в демократическом государстве с присущим ему институтом прав человека этот коллективный субъект не является абсолютным собственником результата прокреационных инвестиций. Вкладывающиеся друг в друга глобальная, цивилизационная, национальная и локальная общности³³ предоставляют человеку определенные возможности для манёвра.

Отечественную рабочую силу капиталисты и государство покупают на рынке труда. Но способность трудиться является лишь одним из аспектов учётной единицы прокреационного капитала, который даёт человеку факт рождения. Эта учётная единица прокреационного капитала созревает и увядает по есте-

ференции 15-17 ноября 2010. Под ред. Р.М. Нижегородцева. М., ЛЕНАРД, 2010. С. 88-93.

³³ Липкин А.И. К эволюции мультикультурных обществ. Межцивилизационные аспекты в условиях глобализации. От рисков нестабильности к устойчивому развитию. Часть II. Дилеммы мультикультурализма и национализма. Отв. ред. Т.Т. Тимофеев. Доклады Института Европы № 269. М., Русский сувенир. 2011. С. 7-24.

ственным законам в течение жизненного цикла и окончательно утрачивается в момент смерти.

В течение жизненного цикла индивид в достаточной степени волен предпринимать акты воспроизводства прокреационного капитала, в основном, в пользу будущих поколений (в отличие от ситуации в странах традиционных прокреационных культур, где потомство обеспечивает старость индивида в социальном и экономическом отношениях), а также продавать его как рабочую силу на внутреннем рынке труда, вывозить её за рубеж посредством институтов эмиграции, гастарбайтерства, вступать на путь асоциального экономического поведения (теневой бизнес, преступность).

Государству выгодно вступать с индивидом в партнёрские отношения, разрабатывая и последовательно осуществляя внутреннюю политику расширенного воспроизводства прокреационного капитала. Пути такого культурно обоснованного и психологически приемлемого сотрудничества в составе инновационного института прокреационной экономики нам предстоит системно разрабатывать. Таким образом, одной из основ предлагаемой модели социально-экономического развития стран европейской культуры может служить категория прокреационного капитала, которая является развитием и обобщением категории человеческого капитала.

*Э.С. Шиманская**

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТРУДЯЩИХСЯ, ИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ

В кризисных ситуациях трудящиеся, их организации, несмотря на трудности, способны действовать активно и солидарно. Это они доказывали не раз за последнее десятилетие. Масштабные акции протеста против жёсткой экономической политики, насаждаемой правительствами Европейского союза, проходят регулярно. Наблюдается рост прагматизма и свободы выбора для миллионов трудящихся в формировании представительных

* Шиманская Эльвира Степановна, старший научный сотрудник ИС РАН.

структур – организаций, готовых и способных от лица наёмных работников вести коллективные переговоры с работодателями, участвовать в принятии решений по вопросам, касающимся интересов наёмных работников, создавать новые политические и профессиональные организации.

Ускорение темпов урбанизации, рост образовательного уровня наёмных работников, увеличивающееся потребление продукции коммуникативных средств (особенно Интернета) порождают рост ожиданий.

Если посмотреть под этим углом зрения, например, на роль профсоюзов, то легко понять, что вместе с расширением их политического участия должны также повышаться и усиливаться «сцепление» и интеграционная способность их также как политических институтов. Примечательно в этом отношении мнение, высказанное одним из активистов профсоюзного движения Норвегии Асбьёрном Ваалем. Он считает, что изменить ситуацию может переориентация профсоюзов на укрепление внутреннего единства, с одной стороны, и на создание широких социальных альянсов – с другой. Эта позиция нашла положительный отклик и в мировом профдвижении. Так, генеральный секретарь Международной конфедерации профсоюзов (МКП) Шэрон Барроу на съезде этой организации в 2010 г. в Ванкувере подтвердила готовность со стороны конфедерации поддержать инициативу профсоюзов ряда стран по строительству широких социальных альянсов. Идёт «борьба за власть, и борьба должна быть политической, ориентированной на социальное развитие в широком смысле этого слова. Её цель состоит в расширении социальной базы нашей борьбы. Для этого мы должны будем расширить горизонты нашей политики и требований»³⁴. В обозримом будущем от того, насколько организациям трудящихся удастся перегруппироваться, зависит их укрепление и развитие в качестве независимой политической силы.

Для России вступление в XXI в. ознаменовалось неотлаженностью механизмов прямой и обратной связей и дефицитом представительства интересов всех социальных групп и слоёв во

³⁴ URL: http://www.columnru.global-labour-university.org/2012/02/blog-post_17.html.

властных госструктурах. Преобразования в нашей стране характеризовались не только становлением рыночных регуляторов экономической жизни, но и трансформацией социальных и политических институтов. Постепенно складывались формы, нормы и стереотипы трудового поведения, связанные с переходом к новой системе социально-трудовых отношений.

В современных условиях профсоюзы включаются в процесс регулирования социально-трудовых отношений в качестве более или менее активно действующих субъектов. От их участия в данном процессе напрямую зависит успешное развитие гражданского общества, достижение и сохранение социально-политического согласия, консенсуса по основополагающим вопросам модернизации в России, а также укоренения демократических ценностей и процессов саморегуляции социума. К сожалению, надо признать, что пока ещё в нашей стране присутствует ощущение недостаточной самоорганизации, рефлексии, слабой воли к переменам к лучшему и, наконец, ответственности (политической, социальной) как со стороны власти, так и со стороны таких общественных организаций, как профсоюзы.

Общеизвестно, насколько целесообразным и необходимым является взаимная ответственность социальных институтов (и профсоюзов в том числе) и во взаимоотношениях и взаимодействии с «социальными партнёрами» – органами государственной власти/местного самоуправления и бизнес-сообществом, – и перед индивидами. Думается, это могло бы способствовать институциональному развитию, повышению степени доверия как к государственным, общественным институтам, так и в межличностном общении, и, следовательно, к достижению согласия в обществе.

В связи с этим актуальным становится анализ тех принципиальных изменений, которые происходят в политической роли профсоюзов, в идеологии и практике их деятельности, в отношениях к ним политических партий, общественно-политических движений. Политизация социально-экономической жизни, подвижки в соотношении между экономикой и политикой в современном обществе, – всё это объективно должно способствовать

укреплению самостоятельной роли профсоюзов.

В 1990-е гг. российские профсоюзы предприняли попытку выступить в качестве независимых участников политического процесса³⁵, хотя власть пыталась отодвинуть в трудовых отношениях профсоюзы на задний план. Считалось, что наёмного работника защищать не надо, так как основные усилия и интерес были направлены на формирование нового класса – предпринимателей. Ещё неокрепшие российские профсоюзы попытались самостоятельно изменить ситуацию. К началу нового века в стране действовали свыше 100 профсоюзных организаций, десятая часть из которых официально была зарегистрирована Минюстом РФ как общероссийские объединения. Общеизвестны два основных профсоюзных блока. Во-первых, Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) и близкие к ней профсоюзы. Ко второму блоку относятся так называемые новые профсоюзы, которые, в отличие от «независимых» из ФНПР, называют себя «свободными».

Между тем российское рабочее и профсоюзное движение в силу неоднородности и отсутствия сплочённости долгое время находилось в процессе поиска своего места в новом, формирующемся миропорядке. К тому же и доверие к нему со стороны трудящихся масс было тогда трудно назвать высоким. Слабость профсоюзов проявлялась в их неспособности (или в неумении) в полной мере реализовать свою основную функцию – институционализацию социальных интересов наёмных работников. Однако среди самих профсоюзных организаций бытует совсем иное представление о положении вещей. Так, согласно данным социологических опросов³⁶, 47% опрошенных в профсоюзной среде уверены в том, что оказывают определённое влияние на положение дел в трудовых коллективах. Эта оценка достаточно резко контрастирует с позицией предпринимателей – 66% из них считают, что такого влияния не ощущается. С этим мнением солидарна и власть.

³⁵ См. подробнее: Грибанов В. Профсоюзы и политика. СПб., 2001.

³⁶ См.: Куконков П.И. Социально-трудовые отношения в региональных центрах России. Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 8. М., ИС РАН, 2009. С. 187-188.

Возможно, не в последнюю очередь такое расхождение в оценках эффективности современного российского профдвижения связано с деятельностью лидеров Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) – преемника бывших официальных профсоюзов СССР. Являясь легальным наследником организационных, материальных и частично людских ресурсов ВЦСПС, на базе которого после августа 1991 г. развивалась его деятельность, ФНПР приобрела статус независимой организации и добилась от государства признания в качестве партнера по социальному диалогу. Сервильность позиций традиционных профсоюзов, объединённых в этот профцентр (в его составе сегодня насчитывается около 23 млн членов), отличает их от новых профсоюзов. Это в определённой мере объясняется становлением его в постперестроенной России как во многом формального образования. Основной институциональной формой взаимодействия официальных профсоюзов, предпринимателей и государства является деятельность в рамках трёхсторонних переговоров. Среди исследователей профсоюзной проблематики широко распространена точка зрения, что в России этот механизм социального партнёрства появился не вследствие достигнутых договорённостей всех участников переговорного процесса, а в результате реализации указа президента от 24 января 1992 г. об учреждении Российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений³⁷. Но её деятельность вплоть до настоящего времени характеризуется во многом как имитационная. До сих пор не решена проблема ответственности сторон по выполнению добросовестно и в срок достигнутых на переговорах соглашений. Сегодня в числе приоритетных задач для ФНПР значится повышение госгарантий по оплате труда; содействие созданию 25 млн новых высокотехнологичных рабочих мест; расширение участия работников в управлении организацией; повышение престижа рабочих профессий; расширение сферы действия коллективных договоров и соглашений. Эти профсоюзы

³⁷ См., например: Перегудов С., Лапина Н., Семенов И. Группы интересов и российское государство. М., 1999; Паксынова В.В. «Партии-преемники», профсоюзы и государство в России и странах Центральной и Восточной Европы: моделирование взаимоотношений. Полис (Политические исследования). 2007. №5. С. 118-127.

декларируют в целом готовность к взаимодействию с властью.

В современной России также функционируют альтернативные профсоюзные организации. Они представлены такими профцентрами, как Конфедерация профсоюзов России (КТР), Всероссийской конфедерацией труда (ВКТ), Соцпроф, межотраслевые объединения «Защита труда», «Единство», профсоюзами авиадиспетчеров (ФПАД), докеров (РПД), моряков (РПСМ), машинистов-железнодорожников (РПЛБЖ), горняков (НПГР), межрегиональный профсоюз работников автопрома (МПРА) и ряд других. Создание новых профсоюзов происходит чаще всего по узкопрофессиональному или территориальному принципам (в отличие от традиционных профсоюзов, которые создавались по отраслевому принципу). Это, по мнению экспертов, способствовало развитию интегративных тенденций (в основном, по горизонтали) и большей прозрачности образований³⁸ свободных профсоюзов. По составу членской базы: это в основном рабочие и служащие, в меньшей степени – специалисты.

Свободные профсоюзы стремятся в ходе их гражданского самоопределения вырабатывать коммуникативные навыки достижения консенсуса, на основе которого можно было бы солидарно строить впоследствии здание общественной интеграции. Главная задача, по замыслу их лидеров, состоит в том, чтобы обеспечить утверждение в стране такой модели развития, которая сочетала бы экономическую эффективность с социальной справедливостью и солидарностью. В целях защиты интересов наёмных трудящихся деятельность их должна осуществляться «строго в рамках основополагающего требования Конституции России, определяющего Российскую Федерацию как социальное государство»³⁹.

Суть идеологии альтернативных профсоюзов – в проведении активных действий, а главным средством борьбы для них явля-

³⁸ См. подробнее: Петрова Л.Е. Профсоюзы в ряду элементов гражданского общества. Некоммерческое партнерство «Планета. Общество. Человек». М., 2010.

³⁹ См.: Храмов С.В. О социальной ответственности профсоюзов в современном обществе. Развитие человеческого потенциала. Междисциплинарный подход и законодательная практика. Приложение к «Журналу прикладная психология». 2002. Вып. 3. С. 58-59.

ется коллективное давление на власть и предпринимателей. Большинство коллективных акций (забастовки, остановки работ и пр.) оказываются инициированными именно ими. Они относительно более эффективно действуют на локальном уровне (предприятия, организации), но не на федеральном или региональном. Часто такие инициативы критики называют «опытом будоражения народа». В новых профсоюзах больше выражены черты посреднических, медиаторных групп как субстрата гражданского общества⁴⁰.

Подобный выбор стратегии и тактики объясняется наличием в сфере труда в России системы, ориентированной на укрепление «единого фронта» предпринимателей и госчиновников против наёмных работников. Происходит размывание социальной ответственности работодателей, и социальное партнёрство фактически становится мифом, так как ещё не достигло в России уровня «сближения, баланса социальных интересов». Нельзя не согласиться с оценкой сложившегося положения в стране, данной В.А. Ядовым, известным исследователем по этой проблематике. Он пишет: «Ситуация в России характеризуется отстранённостью государства от участия в формировании прозрачных и справедливых правил в сфере трудовых отношений. ... Таким дистанцированием государство поощряет систему отношений, при которой персонал рассматривается не как ресурс для развития, а как статья расхода»⁴¹. Трансформация трудовых отношений происходит в виде интеграции (нередко более или менее насильственной) в организационную культуру компании. Особое распространение получает реализация идеи о т.н. «корпоративной идентичности» для всего персонала организации. Всё чаще можно столкнуться с заменой коллективного регулирования – на гибкое, ориентированное на индивидуальные потребности и заключение частных договоров. При этом потребность трудящихся в солидарности становится отдалённой перспективой.

Для того чтобы соответствовать своему историческому пред-

⁴⁰ См.: Петрова Л.Е. Указ. соч.

⁴¹ Ядов В.А. Трудовые отношения в постсоветской России. Публичная политика в России. Под общ. ред. Ю.А. Красина. М., 2005. С. 226.

назначению (выражать, артикулировать и защищать интересы всех наёмных работников), современные профсоюзы, как нам представляется, должны выработать более чёткую позицию по ключевым направлениям деятельности. К ним следует отнести, прежде всего, разработку механизмов гарантирования материальных прав наёмных работников (например, начисление и получение в полном объёме заработной платы в случае задержки её выплаты или банкротства предприятия). Социологами проводилось исследование, результаты которого свидетельствуют о том, что согласие между сторонами трудовых отношений по поводу повышения уровня оплаты труда достичь реально. Выявлено было, что нет возражений даже «против больших различий в размерах заработной платы, однако при условии достойной оплаты любого труда»⁴². Допускаются и компромиссы, но в их основе должно лежать строгое соблюдение норм Трудового кодекса РФ.

Французский исследователь проблем наёмного труда Робер Кастель, давая оценку степени значимости заработной платы как функции трудовых отношений, отмечает: «...В современном обществе для большинства его членов зарплата является основанием *экономического гражданства*. Она также лежит в основании *социального гражданства*, поскольку такая работа представляет собой участие каждого в производстве для всего общества, а значит, в производстве самого общества. Таким образом, зарплата является конкретным посредником, благодаря которому создаются социальные права и обязанности, ответственность и признание, а также ограничения и зависимости»⁴³. В принципе требования, связанные с различными аспектами вопроса оплаты труда, отражают важное направление динамики трудовых отношений в России.

Развитие равноправного социального партнёрства рассматривается новыми профсоюзами как механизм реализации потенциала системы соуправления. Подразумевается, что компромисс как способ взаимодействия сторон и достижения согласия

⁴² См.: Куконков П.И. Указ. соч. С.194.

⁴³ Кастель Р. *Метаморфозы социального вопроса. Хроника наёмного труда*. Пер. с франц. Н.А. Шматко. СтП., Изд-во «Алетейя», 2009. С. 527.

на основе договоров, учёта интересов сторон – это именно то, что может способствовать повышению ответственности власти перед обществом⁴⁴. Пока же мы лишь можем констатировать очевидность факта существования неравенства сторон в социально-трудовых отношениях. Оно проявляется в противоречивой позиции государства, явной слабости профсоюзов и уклонении работодателей от ответственности за участие в формировании института социального партнёрства. Консенсусный принцип в социально-трудовой сфере с трудом приживается на российской почве, особенно в регионах. По этой причине заключение колдоговоров, проведение забастовок рассматривается руководством альтернативных профсоюзов «не как орудие воздействия на властные структуры, а как инструмент решения трудовых конфликтов в рамках отдельных предприятий»⁴⁵.

Согласно программным установкам профцентров, объединяющих альтернативные профессиональные организации, миссия профсоюзов трактуется как обязанность напоминать власти о том, что подлинной целью любого правительства является сбалансированное социально-экономическое развитие, устойчивое повышение уровня и качества жизни людей труда. В связи с этим ставятся задачи: расширение представительства интересов на рынке труда и во взаимоотношениях с работодателями и государством; участие в разработке комплексного законодательства в условиях становления нового правового поля; внедрение более широкой практики применения трудового арбитража для примирения и разрешения трудовых споров.

Многие специалисты в сфере трудовых отношений считают, что механизмы разрешения трудовых споров в России оказываются нередко не вполне адекватными. Дело в том, что трудовые конфликты являются многофакторными и нередко закрытыми от общества, а оптимальная модель, «работающая» на разрешение постоянно возникающих противоречий в сфере труда, пока не сформирована. За последние 5 лет количество социально-трудовых конфликтов в стране неуклонно растёт; по неофици-

⁴⁴ См.: Программная декларация Конфедерации труда России [Электронный ресурс: <http://www.ktr.su/about/doc/doc1.php>].

⁴⁵ Храмов С.В. Указ. соч. С. 59.

альным данным, их насчитывается свыше 10 тыс. Согласно Росстату и Центру социально-трудовых прав, число протестных акций только за один 2009 г. увеличилось с 93 до 272⁴⁶. Профсоюзный орган «Солидарность» констатирует с сожалением, что российский работодатель либо игнорирует протесты и претензии сотрудников, либо доводит конфликт до открытых демонстраций и забастовок или суда, а значит, механизм разрешения трудовых споров в должной мере не работает.

Большое внимание профсоюзными активистами уделяется реформированию правовых актов в сфере социально-трудовых отношений. Борьба в этом направлении имеет под собой основания. В частности, после принятия Конституционным судом Определения от 03.11.2009 г., отменившего норму, прописанную в части первой статьи 374 ТК о запрете увольнения неосвобождённых руководителей выборного профсоюзного органа (профкома или цехкома) без согласия вышестоящего профсоюзного органа⁴⁷, фактически усилилось давление на альтернативные профсоюзы. Известно, что эта норма используется, в первую очередь, активистами профсоюзов, у которых мало или совсем нет освобождённых работников (в отличие от профсоюзов, входящих в ФНПР) и борьба которых за соблюдение гарантий и прав наёмных работников не устраивает работодателей. Таким образом, принятое Конституционным судом (КС) Определение вынуждает все профсоюзы либо стать бюрократическими структурами, либо не сопротивляться воле предпринимателя.

Профсоюзы не намерены прекращать борьбу. В начале 2010 г. представители КТР, ВКТ, Федерального профсоюза авиадиспетчеров, российского независимого профсоюза угольной промышленности, профобъединения «Защита» и ряда других альтернативных профсоюзов провели в Москве пресс-конференцию на весьма злободневную тему – «Кризис и трудовые конфликты: какую роль играют профсоюзы сегодня?». Признавая себя важным элементом гражданского общества и неотъемлемой стороной социального диалога, профсоюзные активисты сделали заявление о том, что решение, принятое КС, в результате ко-

⁴⁶ Солидарность. 2010. 6 октября.

⁴⁷ См. подробнее: URL: <http://www.ikd.ru/files/KSunions.doc>.

того была отменена защита для членов выборного профсоюза, является чисто политическим и крайне негативно сказывается на положении всех трудящихся. Лишившись гарантии своей деятельности, профсоюзные лидеры настаивают на ускорении ратификации Конвенции МОТ № 135 (о представителях работников). ВКТ и КТР также инициировали отправку жалобы в МОТ.

В связи с вышесказанным значимость трудового арбитража сегодня в России возрастает. Особенно важно это там, где на уровне хозяйственных субъектов регулирование трудовых отношений не может обеспечиваться на основе коллективных договоров зачастую в силу их отсутствия. Связано это с тем, что российские работодатели пока ещё с осторожностью включаются в переговорный процесс по заключению коллективных договоров, поскольку в них, как правило, закладываются дополнительные обязательства по предоставлению социальных гарантий работникам. Индивидуальный контракт при найме работника администрация тоже не спешит подписывать, хотя и сами нанимаемые не особенно стремятся укоренить подобную практику. В результате в стране нередко преобладают неформальные трудовые отношения.

Между тем дистанцирование государства от социально-трудовых проблем вело не только к ослаблению контроля над деятельностью предприятий и игнорированию профсоюзов как «соучастника» в управлении, но и к усилению напряжённости и конфликтов в трудовой среде. Способность вмешиваться в события или воздерживаться от вмешательства (что также оказывает влияние на какой-либо процесс) – один из базовых принципов взаимозависимости институтов и внеинституциональной среды⁴⁸. Надо признать, что сегодня Трудовой кодекс Российской Федерации предусматривает возможность создавать как временный, так и постоянный трудовой арбитраж. Организация этой системы позволяет развить определённую правовую основу института переговорщиков для рассмотрения конфликтных ситуаций на предприятиях. Кроме того, Госдумой РФ уже при-

⁴⁸ Etzioni A. *The Active Society. A Theory of Societal and Political Process*. N.Y., 1968. P. 417.

нят закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁴⁹, однако он ещё не заработал в полную силу.

Необходимо отметить также тот факт, что присутствие в информационном поле такой структуры в российском рабочем движении, как новые профсоюзы, ничтожно мало. Сюжеты о трудовых конфликтах в СМИ присутствуют, но преимущественно тогда, когда существует угроза забастовки.

Проблем в сфере трудовых отношений более чем достаточно. Но определённые надежды для оптимизма есть. Это в какой-то мере оказалось связано с изложением своего видения перспектив для трудящихся и их организаций В.В. Путиным. В одной из своих недавних предвыборных статей он высказался о проблемах возрождения рабочей аристократии и изменения самосознания наёмных работников, в частности посредством создания социальных лифтов внутри рабочих профессий.

Повышение у нас внимания к нуждам людей труда – знамение времени. Это отражается в какой-то мере и в риторике властей, и в тональности многих публикаций, появляющихся во влиятельных средствах массовой информации. Так, в связи с решением о преобразовании в общероссийскую организацию прежде всего регионального движения «В защиту человека труда», его лидер М. Холманских отметил, что у этого движения имеется ныне немало возможностей, чтобы эффективно представлять и защищать интересы человека труда. Подобные заявления и оживлённая реакция на них общественности, как и другие факты (об этом свидетельствуют, в частности, предложения в печати о том, в какой мере могут власти сделать ставку на «российских лейбористов»), по-своему высветили потребности в появлении в стране, в той или иной мере, новой массовой организации трудящихся.

Разумеется, неизбежный рост влияния трудящихся, их массовых организаций в обществе – это процесс не простой и весьма длительный, трудоёмкий, требующий тщательной и детальной разработки вопросов стратегии и тактики. Но в кризисных

⁴⁹ См.: Солидарность. – 2010. – 6 октября.

ситуациях эти организации демонстрируют способность действовать более решительно и солидарно. От того, насколько быстро им удастся адаптироваться к современным условиям, зависит их выживание в будущем как в качестве коллективных экономических акторов, так и в качестве влиятельной политической силы.

При этом важно осознать, что их деятельность должна быть направлена не только на формирование более результативной системы отстаивания социально-экономических интересов наёмных работников, но и на активное противодействие совместно с другими демократическими силами – представителями различных гражданских инициатив – попыткам ограничения законных прав и свобод людей в условиях укрепления гражданского общества.

*А.А. Канунников**

ПУТИ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ И РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Летом 2012 г. состоялась всемирная Конференция, на которой собрались тысячи людей – представителей правительств большинства стран мира, коммерческого сектора, неправительственных организаций (НПО) и других заинтересованных сторон, чтобы вернуться к всестороннему обсуждению проблемы дальнейшего развития человеческой цивилизации, её устойчивого развития.

Во многих странах мира представители гражданского общества считают, что «Рио+20» – так кратко назвали Конференцию Организации Объединённых Наций по устойчивому развитию, состоявшуюся в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в июне 2012 г. – стала исторической возможностью определить пути создания более безопасного и справедливого, менее загрязнённого, более «зелёного» и более процветающего мира.

Основные идеи такого подхода изложены в Документе «Навстречу «зелёной» экономике: пути к устойчивому развитию и

* Канунников Анатолий Алексеевич, к.и.н., ИЕ РАН.

искоренению бедности – обобщающий доклад для представителей властных структур»⁵⁰. По мнению авторов доклада, «зелёная» экономика не отдаёт предпочтение какой-либо одной политической теории. Она возможна в условиях любой экономики – государственной или рыночной. Не служит она и альтернативой устойчивого развития. Скорее, это способ реализации курса на такое развитие на национальном, региональном и мировом уровнях и способами, которые согласуются с «Повесткой дня на XXI век» и упрощают реализацию её положений.

ЮНЕП⁵¹ определяет «зелёную» экономику, как «такую экономику, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и её обеднение».

За 20 лет после встречи на высшем уровне «Планета Земля», состоявшейся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, где страны приняли «Повестку дня на XXI век», были предприняты значительные усилия с тем, чтобы реализовать поставленные задачи.

Что заставляет мировое сообщество вновь и вновь возвращаться к теме устойчивого развития? Наибольшую обеспокоенность вызывают следующие факты:

- сегодня население мира составляет 7 млрд чел., а к 2050 г. оно составит 9 млрд;
- каждый пятый (1,4 млрд чел.) в настоящее время живёт на 1,25 долл. США в день или меньше;
- 1,5 млрд человек не имеют доступа к электричеству, 2,5 млрд не имеют смывных туалетов. Ежедневно почти 1 млрд голодает;
- выбросы парниковых газов в атмосферу продолжают расти, и более трети известных биологических видов могут вымереть, если климатические изменения по-прежнему не будут приниматься во внимание.

Конференция «Рио+20» предоставила возможность глобаль-

⁵⁰ http://www.unep.org/greeneconomy/Portals/88/documents/ger/GER_synthesis_ru.pdf.

⁵¹ Программа ООН по окружающей среде – ЮНЕП. (англ. UNEP, United Nations Environment Programme) – созданная в рамках системы ООН программа, способствующая координации охраны природы на общесистемном уровне.

но обсудить и осмыслить проблемы цивилизационного развития, чтобы люди смогли сообща действовать на местном уровне для построения общего будущего.

«Устойчивое развитие не имеет альтернатив! Это единственный путь, позволяющий всему человечеству нормально жить на нашей уникальной планете. «Рио+20» даёт нашему поколению возможность избрать этот путь», – говорил Ша Цзукан, генеральный секретарь Конференции «Рио+20».

На конференции в Рио-де-Жанейро официальные обсуждения были посвящены двум главным темам:

- как построить «зелёную» экономику таким образом, чтобы добиться устойчивого развития и избавить людей от нищеты, а также помочь развивающимся странам встать на путь «зелёного» развития;
- как улучшить координацию международных усилий по достижению устойчивого развития.

Параллельно с официальными мероприятиями и в промежутках между ними были организованы многочисленные неформальные мероприятия, выставки, презентации, ярмарки и выступления самых разных партнёров.

В ходе подготовки к Конференции представители гражданского общества многих стран мира ожидали, что, следуя многочисленным примерам успеха, наблюдаемым в последние 20 лет, правительства предпримут четкие и целенаправленные практические шаги для воплощения устойчивого развития в реальность.

Задачи, стоящие перед человечеством столь глобальны и всеохватывающи, что затрагивают интересы каждого живущего на Земле человека. Поэтому усилий одних только правительств по обеспечению устойчивого развития недостаточно. Для этого необходимо сотрудничество многих людей, общественных групп, организаций, а также деловых и научных кругов. Конференция «Рио+20» – дала прекрасную возможность для создания партнёрств и привлечения к работе всех заинтересованных сторон.

Широкая дискуссия по обозначенным проблемам разверну-

лась на официальном веб-сайте⁵² подготовки Форума, на котором представители гражданского общества, деловых и научных кругов, а также НПО обменивались информацией о подготовке к «Рио+20». Здесь же была размещена информация о порядке регистрации для всех желающих принять участия в Конференции.

Шагнувшие вперед информационные технологии, позволяют сегодня миллионам жителей планеты через интернет получать информацию о различных подходах и точках зрения на обсуждаемые вопросы, размещённую на этом веб-сайте, а также подписаться на информационный бюллетень. Можно было также следить за ходом подготовки и проведением «Рио+20» через «Твиттер» и «Фейсбук» и, кроме того, читать блог генерального секретаря Конференции Ша Цзукана.

Участию гражданского общества в определении путей устойчивого развития и его реализации отводится не последнее место. Так, если на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. участвовало около 170 правительств, то от неправительственных организаций – более 2400 представителей. Ещё более широким было участие представителей НПО в Йоханнесбурге, где рассматривались итоги десятилетней реализации задач, поставленных в 1992 г.

Анализ хода реализации «Повестки дня на XXI век», выявив многочисленные недостатки в уровне и качестве получаемых результатов, серьёзное отставание во времени, в темпах продвижения к намеченным целям, подтвердил тем самым ещё больше значимость и актуальность предложенных к решению вопросов. Этот анализ не может быть полноценным, если не обращать внимания на важную часть этого документа ООН, в котором впервые столь подробно и тщательно была прописана роль партнёрства как радикального средства консолидации сил мирового сообщества. Особенно знаменательным стало то, что ООН предложила всем взять курс на партнёрство с неправительственными организациями и тем самым признать необходимость их прямого и активного участия в обеспечении устойчивого разви-

⁵² www.uncsd2012.org.

тия⁵³.

Под этим углом зрения представляется полезным ознакомиться с позицией ООН по сотрудничеству с гражданским обществом и в контексте реализации «Повестки дня на XXI век», и в достижении устойчивого развития.

В последнее десятилетие Организация Объединённых Наций уделяет исключительное внимание сотрудничеству с неправительственными организациями, ведь они играют ключевую роль в формировании и внедрении демократических структур, основанных на участии в этом процессе самых широких слоёв населения. ООН признаёт, что авторитет неправительственных организаций объясняется той ответственной и конструктивной ролью, которую они играют в обществе. Именно поэтому в ООН с самого начала считали, что официальные и неофициальные организации, а также низовые движения должны быть признаны в качестве партнёров в деле осуществления инициатив Организации Объединённых Наций. Независимость в обществе является одним из основных и неотъемлемых свойств неправительственных организаций, и именно это диктует необходимость их реального участия во всех социально и политически значимых процессах.

Сегодня, когда мировое сообщество стремится отойти от нерациональных моделей развития и встать на путь экологически безопасного и устойчивого развития, одна из основных задач, стоящих перед ним, заключается в том, чтобы содействовать пониманию общей цели во всех слоях общества. Возможность обеспечения понимания такой цели будет зависеть от готовности всех слоёв общества участвовать в подлинно широком сотрудничестве и диалоге, а также признания самостоятельной роли каждого участника этого процесса.

Общественные, неправительственные организации, включая некоммерческие организации, обладают признанным и разнообразным опытом, специальными знаниями и потенциалом в тех областях, которые имеют особое значение для осуществления и обзора экологически безопасного и социально ориентированного устойчивого развития. Таким образом, сообщество непра-

⁵³ Повестка дня на XXI век. A/CONF.151/26/REV.1(VOL.1).

вительственных организаций представляет собой общемировую сеть, которая подключилась к работе по достижению этих общих целей и наделена соответствующими полномочиями.

Эксперты ООН с самого начала считали, что для того чтобы потенциальный вклад неправительственных организаций был реализован в полной мере, следует стимулировать как можно более тесную связь и сотрудничество между национальными правительствами, международными организациями, местными органами управления и неправительственными организациями. В то же время общественным, неправительственным организациям необходимо развивать сотрудничество и взаимодействие между собой с тем, чтобы повысить свою эффективность как участников деятельности по обеспечению устойчивого развития.

Однако здесь есть одна проблема. Общество, правительства и международные органы пока не имеют механизмов, с помощью которых неправительственные организации могли бы играть ответственно и эффективно отведённую им роль партнёров в процессе экологически безопасного и устойчивого развития.

Для повышения роли неправительственных организаций как общественных партнёров системы Организации Объединённых Наций и национальных правительств в соответствии с рекомендациями «Повестки дня на XXI век» следует по согласованию с неправительственными организациями начать процесс рассмотрения официальных процедур и механизмов, которые обеспечили бы реальное участие этих организаций на всех уровнях: от разработки политики и принятия решений до их осуществления. Предполагается, что во всех странах должен быть налажен плодотворный диалог между правительствами и общественными, неправительственными организациями с тем, чтобы признать и укрепить их соответствующую роль в осуществлении экологически безопасного, устойчивого развития. В этой связи правительства и международные органы должны поощрять и обеспечивать участие неправительственных организаций в разработке, создании и оценке официальных механизмов и процедур по обзору хода осуществления «Повестки дня на XXI век» на всех уровнях.

Более того, разработаны следующие конкретные рекомендации: 1) Самой системе Организации Объединённых Наций, включая международные учреждения, занимающиеся вопросами финансирования и развития, и всем межправительственным организациям и форумам по согласованию с неправительственными организациями предлагалось принять меры к тому, чтобы:

a) рассмотреть и изложить пути совершенствования существующих процедур и механизмов, обеспечивающих реальное участие неправительственных организаций в деле разработки стратегий, принятия решений, осуществления и оценки на уровне отдельных учреждений, в ходе межучрежденческих консультаций и конференций Организации Объединённых Наций;

b) улучшить существующие, а при отсутствии таковых – создать в каждом учреждении механизмы и процедуры, которые обеспечивали бы учёт специального опыта и позиций неправительственных организаций в вопросах разработки стратегий и программ, их осуществления и оценки;

c) проанализировать объёмы финансирования и административной поддержки неправительственных организаций и масштабы и эффективность их участия в осуществлении проектов и программ с тем, чтобы повысить их роль как социальных партнёров;

d) разработать доступные и эффективные средства обеспечения реального участия неправительственных организаций в процессах, созданных для обзора и оценки хода осуществления «Повестки дня на XXI век» на всех уровнях;

e) поощрять и создать условия для неправительственных организаций и их самостоятельных систем для содействия контролю и оценке стратегий и программ, направленных на осуществление «Повестки дня на XXI век», включая содействие неправительственным организациям и их самостоятельным системам в развивающихся странах;

f) принять во внимание выводы, сделанные в рамках неправительственных систем наблюдения и процессов оценки в соответствующих докладах генерального секретаря Генеральной Ассамблеи и всем соответствующим учреждениям Организации Объединённых Наций и другим межправительственным орга-

низациям и форумам об осуществлении «Повестки дня на XXI век» в соответствии с процессом обзора применительно к «Повестке дня на XXI век»;

g) предоставить неправительственным организациям надлежащий доступ к точным и своевременным данным и информации в интересах обеспечения эффективности их программ и мероприятий и их роли в деятельности в поддержку устойчивого развития.

2) Организация Объединённых Наций рекомендовала правительствам стран принять меры к тому, чтобы:

а) наладить или улучшить существующий диалог с неправительственными организациями и их самостоятельными объединениями, представляющими все слои общества, что могло бы служить: i) рассмотрению прав и обязанностей этих организаций; ii) эффективному направлению комплексного вклада неправительственных организаций в процесс разработки стратегий на правительственном уровне; iii) содействию неправительственной координации в осуществлении национальных стратегий на уровне программ;

б) поощрять и обеспечивать развитие сотрудничества и диалога между местными неправительственными организациями и местными органами управления в мероприятиях, направленных на достижение устойчивого развития;

с) вовлекать неправительственные организации в национальные механизмы или процедуры, созданные для осуществления «Повестки дня на XXI век», добиваясь оптимального использования их особого потенциала в таких областях, как образование, сокращение масштабов нищеты, охрана и оздоровление окружающей среды;

д) принять во внимание выводы неправительственных механизмов по контролю и обзору при разработке и оценке стратегий, связанных с осуществлением «Повестки дня на XXI век» на всех уровнях;

е) проанализировать государственные системы образования с целью выявления путей подключения и расширения участия неправительственных организаций в области формального и неформального образования и повышения информированности об-

ственности;

f) предоставить в распоряжение неправительственных организаций данные и информацию, необходимые для их эффективного участия в научно-исследовательской работе и разработке, осуществлении и оценке программ.

Для неправительственных организаций всегда остро стоит вопрос о финансировании своего участия в крупных проектах. Известно, что сама Организация Объединённых Наций не в состоянии финансировать НПО, действующие в мировом сообществе. Как решить эту проблему?

Этот же вопрос задали себе и разработчики «Повестки дня на XXI век», понимая, что в процессе налаживания сотрудничества и диалога между официальными организациями и группами неправительственных организаций, на международном и национальном уровнях, возникнут расходы, связанные с совершенствованием консультативных процедур и механизмов. Неправительственным организациям также потребуются дополнительные средства на поддержку их усилий по созданию и совершенствованию систем наблюдения за осуществлением «Повестки дня на XXI век» или участия в их работе. Эти расходы не могут не быть значительными.

Участники конференции в Рио-де-Жанейро считали, что учреждениям системы Организации Объединённых Наций и другим межправительственным организациям и форумам, двусторонним программам и, при необходимости, частному сектору необходимо будет увеличить финансовую и административную помощь, оказываемую неправительственным организациям и их самостоятельным системам. Было решено также наладить специальную подготовку для представителей неправительственных организаций (и оказать им помощь в разработке их собственных программ специальной подготовки) на международном и региональном уровнях с тем, чтобы повысить их роль как партнёров по разработке и осуществлению программ.

Правительствам необходимо либо принять, либо сделать более эффективными, в зависимости от конкретной ситуации в странах, любые меры законодательного характера, которые способствовали бы созданию в неправительственных организаци-

ях консультативных групп, и обеспечить неправительственным организациям право отстаивать общественные интересы с помощью правовых механизмов.

Изложенные выше позиции ООН могут показаться чем-то вроде схоластических размышлений международных чиновников и «свободных» политологов. Обсудить это, как нам кажется, лучше в рамках рассмотрения более широкой проблемы о гражданском обществе вообще и в России в частности. В данном случае можно ограничиться лишь акцентированием темы НПО, показом важности её значения, призывом осознать это и воспользоваться полученным знанием для выстраивания правильных взаимоотношений органов власти и политических кругов нашей страны с так называемым «третьим сектором».

Организация Объединённых Наций не только даёт рекомендации правительствам и организациям гражданского общества стран мира, но и сама предпринимает практические шаги по привлечению гражданского общества к поиску путей решения проблем развития мировой цивилизации.

Так, стало вполне естественным, что новые национальные или международные проблемы, которые обсуждают правительства, должны включать компонент «мульти стейкхолдеров»⁵⁴. Эта модель «мульти стейкхолдеров» была изобретена в 1992 г. Организацией Объединённых Наций на Встрече на высшем уровне и формализована в «Повестке дня 21». Основные группы были приглашены представить для «Rio+20» общие подходы по основным вопросам повестки дня для «нулевого проекта» документа.

⁵⁴ Стейкхóлдер (от англ. stakeholder; букв. «владелец доли (получатель процента); держатель заклада», *изначально* – распорядитель (доверительный собственник) спорного, заложенного или подопечного имущества, дольщик) – *в узком смысле слова*: то же, что и *shareholder* (акционер, участник), то есть лицо, имеющее долю в уставном(складочном) капитале предприятия. Зачастую под термином «стейкхолдеры» подразумевают *группы влияния*, существующие внутри или вне компании, которые надо учитывать при осуществлении деятельности. Интересы стейкхолдеров могут вступать в противоречие друг с другом. Стейкхолдеров можно рассматривать как единое противоречивое целое, равнодействующая интересов частей которого будет определять траекторию эволюции организации. В соответствии с ГОСТ Р 51897-2002 «Менеджмент риска. Термины и определения» рекомендуется использовать термин «причастная сторона». (Wikipedia)

Тогда, в 1992 г., масштаб роли, которую играли бы различные *стейкхолдеры*, полностью ещё не был определён. Эта идея только опиралась на пожелание активного участия независимых секторов, которое впервые было отражено в документе на Конференции Организации Объединённых Наций по Окружающей среде и Развитию. «Повестка дня 21» – проект действий для достижения устойчивого развития, документ, принятый на Встрече на высшем уровне, – обозначил участие *стейкхолдеров* как представителей «основных групп». В частности, тогда были выделены девять групп: 1. женщины; 2. дети и молодёжь; 3. коренные народы; 4. негосударственные организации; 5. местные власти; 6. рабочие и профсоюзы; 7. бизнес и промышленность; 8. научное и технологическое сообщество; 9. фермеры.

«Основные группы» включали обширное число неправительственных участников, вклад которых становился всё более и более важным в определении политики и механизмов, связанных с проблемами устойчивого развития.

Каждая «Основная группа» получила свою собственную главу в «Повестке дня 21», при этом была определена её роль, область влияния и обязанности в достижении устойчивого социального развития. Благодаря такому подходу, стало возможным привлекать новые силы, которые могли бы привнести новые методы действий и мотивировать других людей предпринимать практические шаги в направлении достижения устойчивого развития.

Для гражданского общества является также крайне важным, что в «Повестке дня 21» в 1992 г. было отмечено, что достижение успеха в достижении устойчивого развития имеет не только экологическое и экономическое измерения, но и ещё одно очень важное измерение – социальное. Без доступа к чистой воде, энергии, продовольствию, образованию, личным правам и информации или участию в местном демократическом принятии решений, люди во всём мире не в состоянии сосредоточиться на долгосрочных требованиях устойчивого будущего.

Пришло общее понимание того, что предпринимаемые конкретные меры каждого отдельного сектора не только принесут пользу этому сектору, но также приносят пользу более широко-

му кругу лиц всего общества. И это может помочь построить общественные объединения в поддержку политики устойчивого развития и соответствующих программ, а также заставить политических лидеров действовать в интересах устойчивого развития. Вообще, деятельность «Основных групп» оказалась полезным примером всестороннего участия гражданского общества в решении сложных проблем.

С 1992 г., эти группы участвовали в ежегодных собраниях Комиссии ООН по Устойчивому развитию (CSD), и в последующем рассмотрении итогов работы, например, в 2002 г. в рамках Всемирной Встрече на высшем уровне по Устойчивому развитию в Йоханнесбурге. Представители гражданского общества посещают различные межправительственные встречи и имеют возможность представлять свои доклады на большинстве пленарных встреч. Они проводят консультации с представителями соответствующих международных и национальных организаций, а также с правительствами разных стран по соответствующим проблемам. Организации гражданского общества получают официальные документы и распространяют свои собственные. Проводя различные встречи и обсуждения, организации «основных групп» имеют возможность обмениваться мнениями и создавать различные коалиции.

За прошлые два десятилетия подобные модели «мультистейкхолдеров» были приняты различными агентствами ООН и программами, а также использовались во многих межправительственных процессах. В несколько меньшем масштабе их использует Всемирный банк, Международный валютный фонд и G20. Следует отметить также активное стремление к расширению участия стейкхолдеров при принятии решений на местном, национальном и глобальном уровнях управления, не говоря уже о росте количества консультаций стейкхолдеров с бизнесом и промышленностью.

Процесс подготовки к «Rio+20» продолжил вовлечение «основных групп», определённых «Повесткой дня 21», и до некоторой степени расширил их участие. В ноябре 2011 г., впервые в переговорах на уровне конференции Генеральной Ассамблеи, аккредитованные организации «основных групп» были пригла-

шены представить общие подходы к политическим проблемам – так же как это сделали и правительства – для «нулевого проекта» документа для конференции «Rio+20». Почти 500 организаций представили свои предложения. В феврале 2012 г. был принят дополнительный текстовый документ с комментариями и дополнениями к проекту итогового документа Конференции. Таким образом, были объединены в неофициальный параллельный документ все различные подходы и мнения.

«Основные группы», выражающие мнение гражданского общества, в своём большинстве полагают, что единственный приемлемый путь двигаться вперёд к достижению устойчивого развития заключается в усилении ЮНЭП (Программа по Окружающей среде ООН) (UNEP), и начале процесса по учреждению Совета устойчивого развития, который поддержал бы и, как они надеются, совершенствовал бы активное участие всех заинтересованных сторон, которое отражалось в деятельности Комиссии по Устойчивому развитию.

Во взглядах на «экологически ориентированную экономику в контексте искоренения бедности и движения к устойчивому развитию» существует достаточно широкий диапазон мнений и проблем среди главных организаций «основных групп». Многие считают, что это новое понятие может «размыть» согласованные принципы устойчивого развития, и могло бы привести к тому, что природные ресурсы будут просто считаться «предметами потребления», а это в свою очередь давало бы возможность использовать «зелёную» терминологию, выхолащивая её значение.

Большинство «основных групп» пыталось донести до общественности понимание того, что устойчивое будущее возможно; что есть большое количество свидетельств того, что эффективные программы и технологии уже работают, и что устойчивые общества могут обеспечить жизнь в привлекательных и удобных условиях.

Для представителей НПО очень важна позиция Организации Объединённых Наций, считающей, что сообщество неправительственных организаций, которое представляет собой общемировую сеть, следует подключить к работе по достижению об-

ших целей ООН, укрепить и наделить общественные, неправительственные организации соответствующими полномочиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение выскажем несколько дополнительных соображений, связанных главным образом с уточнением отдельных понятий и позиций по методологическим вопросам.

Прежде всего, надо не упускать из виду, что существуют разные виды реформизма. Многое зависит от того, стоят ли реформаторы (реформисты) у власти, или же находятся в рядах оппозиции. Неслучайно долгое время в нашем обществоведении сохранялось деление на «государственно-монополистический» реформизм и на левых, социалистических реформаторов. Немалое влияние на эволюцию того и другого оказывали изменения в общей экономической и социально-политической ситуации, особенно – в кризисных и посткризисных условиях.

Далее, следует учитывать наличие разночтений и расхождений в трактовке цивилизационных процессов, как и самих понятийных категорий «цивилизации» (их классификация), отношение к «цивилизационным изломам» и т.д.

Ведь в работах иных этнологов и историков до сих пор не изжито скептическое, а то и остро критическое отношение к принципам цивилизационного подхода, его принижение и искажённая трактовка. В какой-то мере типична в данном отношении известная публикация д.и.н. Шнирельмана «Цивилизационный подход как национальная идея»⁵⁵, ряд положений которой вызвали полемику и неприятие со стороны многих историков, экономистов, философов.

Как известно, в последние годы разработка цивилизационной парадигмы в исторической и социально-философской литературе шла в разных направлениях. Новейшую цивилиографию и социальную философию в первую очередь интересовали методологические аспекты цивилизационного подхода.

На гребне усилившейся «цивилизационной волны» появи-

⁵⁵ См. в кн. «Национализм в мировой истории». Институт этнологии и антропологии РАН. М., «Наука», 2007. С. 82-105.

лись новые работы о генезисе цивилизации и истории локальных цивилизаций, цивилизационной принадлежности России, разгорелись дискуссии, касающиеся трактовки развития цивилизационных взаимосвязей.

Правильному современному использованию понятия цивилизации, по мнению ряда наших философов, соответствует её трактовка, прежде всего, как социокультурного образования, причём, в данном случае именно культура является её формообразующим началом⁵⁶.

Кроме того, возрастающую значимость приобрели исследования «кругов общения» в истории отдельных народов. Неслучайно изучению роли сфер междивизиационных связей, взаимовлияний и сотрудничества стали в последние годы уделять всё больше внимания руководящие деятели Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций (профессора Ито, Эйзенштадт, Мелко, Бледсо и другие известные учёные).

Методологические принципы цивилизационного подхода закономерно получают всё более широкое влияние и распространение. Об этом лишний раз свидетельствует целый ряд крупных научных трудов сотрудников учреждений Российской академии наук; среди них – многие коллективные и индивидуальные работы учёных Института всеобщей истории, Института философии, Института Европы, Института востоковедения, ИМЭМО, Института экономики, Института социологии и др.⁵⁷

Ряд авторов ныне делают упор на тезисе о развёртывании глобального цивилизационного кризиса (среди них – акад. РАН Б. Кузык, д.э.н. Ю. Яковец, проф. Г. Попов и другие).

В данной связи колоссальный интерес, несомненно, пред-

⁵⁶ Подробнее см.: В. Стёпин. Цивилизация и культура. Спб., 2011.

⁵⁷ Среди таких наиболее заметных новейших трудов отметим, например, новый обобщающий шеститомник «Всемирная история» (гл. редактор – академик А. Чубарьян). Том 2: «Средневековые цивилизации Зада и Востока» (отв. ред. тома чл.-корр. РАН П. Уваров). М., «Наука», 2012. 895 с.; специальные работы, раскрывающие процессы противостояния и взаимопроникновения античной цивилизации и варварского мира (в т.ч. в кн. «Античная цивилизация и варвары». М., «Наука», 2006). См. также коллективные монографии ИЕ РАН «Россия в многообразии цивилизаций». Отв. ред. Н. Шмелёв, Т. Тимофеев, В. Фёдоров. М., «Весь мир», 2011; «Междивизиационные отношения и кризисные процессы», ИЕ РАН. М., 2010 г. и др.

ставляет анализ перемен в Европе, Азии и других регионах мира. Они находятся в фокусе острых дискуссий, в ходе которых высказываются различные мнения. Так, одно из них связано с неоднозначной оценкой характера происходящих социально-экономических и политических сдвигов. Большинство исследователей РАН исходит из кризиса прежних неолиберальных концепций. Они не разделяют мнения тех, кто склонны принижать значимость усиления влияния левоцентристских идей, настроений в европейских и других странах.

Большую роль в интенсивном обсуждении данной и смежной проблематики, в том числе процессов поиска оптимальных моделей социально-политического развития, играет гражданское общество. Оно оказывает и будет оказывать влияние на осуществимость тех или иных интеграционных процессов. Те же факторы будут сказываться на возможностях реального наполнения евразийских проектов.

Не меньшее значение имеет выбор модели модернизации, конкретных путей её осуществления.

Не случайно эти вопросы оказались сегодня в фокусе внимания учёных и самой широкой общественности. Выбор средств и методов реализации таких целей имеет и будет иметь серьёзную значимость для решения задач социально-экономического и политического развития.

Т.Т. Тимофеев
Ал.А. Громько

**В 2011–2012 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

268. От рисков нестабильности к устойчивому развитию. Часть I. Глобальные проблемы и Европа. Под ред. Т.Т.Тимофеева и др. ДИЕ РАН, № 268, М., 2011 г.
269. От рисков нестабильности к устойчивому развитию. Часть II. Дилеммы мультикультурализма и национализма. Под ред. Т.Т.Тимофеева и др. ДИЕ РАН, № 269, М., 2011 г.
270. Коалиционное правительство Великобритании – год после выборов. Под ред. Ал.А. Громько и др. ДИЕ РАН, № 270, М., 2011 г.
271. В.Б.Белов, Ю.А.Борко, В.С.Циренщиков. Роль торговой политики ЕС в инновационном развитии. ДИЕ РАН, № 271, М., 2011 г.
272. К.Н.Гусев. Иностраннные инвестиции и инновационное развитие экономики в современных условиях. ДИЕ РАН, № 272, М., 2011 г.
273. В.И.Мироненко. Политическое влияние России на Украине (1991–2011 гг.). ДИЕ РАН, № 273, М., 2011 г.
274. Мир XXI века: сценарии будущего для России. Под ред. Ал. А.Громько и др. ДИЕ РАН, № 274, М., 2011 г.
275. Н.П.Шмелёв, В.П.Фёдоров. Евросоюз – Россия: мера сотрудничества. ДИЕ РАН, № 275, М., 2012 г.
276. Долговой кризис в ЕС и перспективы евро. *Материалы круглого стола, 19 октября 2011 г.* ДИЕ РАН, № 276, М., 2012 г.
277. С.М.Фёдоров. Франция в новых геополитических условиях Европы XXI века. ДИЕ РАН, № 277, М., 2012 г.
278. Н.М. Антюшина. Арктический вызов для национальной и международной политики. ДИЕ РАН, № 278, М., 2012 г.
279. Германия. 2011. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 279, М., 2012 г.
280. Британия в кризисе: тактические меры и стратегические цели. Под ред. Ал.А.Громько и др. ДИЕ РАН, № 280, М., 2012 г.
281. А.А.Красиков. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущим. ДИЕ РАН № 281, М., 2012 г.
282. И.С.Гладков. Внешняя торговля России: ретроспективный анализ и современность. ДИЕ РАН № 282, М., 2012 г.
283. Испания после парламентских выборов. Прогнозный анализ. Под ред. В.Л.Верникова. ДИЕ № 283, М., 2012 г.
284. Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества. Под ред. А.А.Язьковой. ДИЕ № 284, М., 2012 г.
285. Россия и государства Апеннинского полуострова на современном этапе. Под ред. Ал.А.Громько. ДИЕ РАН № 285, М., 2012 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2011–2012

268. From risks of instability to sustainable development. Part I. Global problems and Europe. Ed. by T.T.Timofeev and others. Reports of the IE RAS, № 268, M., 2011.
269. From risks of instability to sustainable development. Part II. Dilemmas of multiculturalism and nationalism. Ed. by T.T.Timofeev and others. Reports of the IE RAS, № 269, M., 2011.
270. The UK coalition government – a year after. Ed. by Al.A.Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 270, M., 2011.
271. V.B.Belov, Yu.A.Borko, V.S.Tsirenschchikov. The role of the EU trade policy in innovative development. Reports of the IE RAS, № 271, M., 2011.
272. K.N.Gusev. Foreign investments and innovative economic development. Reports of the IE RAS, № 272, M., 2011.
273. V.I.Mironenko. Russian political influence in Ukraine (1991–2010). Reports of the IE RAS, № 273, M., 2011.
274. The World in the XXI century: Scenarios for Russia. Ed. by Al.A.Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 274, M., 2011.
275. N.P.Shmelev, V.P.Fyodorov. The EU – Russia: a Measure of Cooperation. Reports of the IE RAS, № 275, M., 2012.
276. The debt crisis in the EU and prospects for the euro. Materials of the round table, October 19, 2011. Reports of the IE RAS, № 276, M., 2012.
277. S.M.Fedorov. France in the new geopolitical conditions of XXI century's Europe. Reports of the IE RAS, № 277, M., 2012.
278. N.M.Antyushina. Arctic Challenges for the National and International Policy. Reports of the IE RAS, № 278, M., 2012.
279. Germany. 2011. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 279, M., 2011.
280. Britain in crisis: tactical measures and strategical goals. Ed. by Al.A.Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 280, M., 2012.
281. A.A.Krasikov. Vatican 2000years after. Roman Catholicism between the past and the future. Reports of the IE RAS, № 281, M., 2012.
282. I.S.Gladkov. The foreign trade of Russia: retrospective analysis and the present. Reports of the IE RAS, № 282, M., 2012.
283. Spain after the parliamentary election. The prognosis. Ed. by V.L.Vernikov. Reports of the IE RAS, № 283, M., 2012.
284. Great Black Sea area: the quest for enhanced cooperation. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 284, M., 2012.
285. Russia and the Apennines states in the contemporary world. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 285, M., 2012.